

ОСКАР ЗА УБОЙНУЮ РОЛЬ

Анна и Сергей Литвиновы пишут легко, живо, остро...
Если принялся читать на ночь глядя – прощай сон. От
того Литвиновы и в лидерах жанра.

«КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } АННА И СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

Авантюристка

Анна и Сергей Литвиновы

Оскар за убойную роль

«ЭКСМО»

2004

Литвиновы А.

Оскар за убойную роль / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2004 — (Авантюристка)

Еще недавно жизнь была прекрасна, и вдруг такой облом! Сначала из сейфа Татьяны Садовниковой исчез чрезвычайно секретный документ – психологический портрет клиента их агентства, депутата Госдумы. Потом под колеса ее машины бросился наркоман. Следующим утром взорвали новенькую иномарку Татьяны. Затем позвонил шантажист и потребовал неслабую сумму за украденный документ. Ее любимый отчим, полковник Ходасевич, к которому она обратилась за помощью, считает, что у Тани появился хитрый и безжалостный враг. Документ тем не менее появился в печати, и Таню уволили. Прощай карьера в рекламном бизнесе. Ходасевич понимает: медлить нельзя! Нюх разведчика говорит ему – враг опытен и коварен. Но кому Таня наступила на хвост? Обнаружить и обезвредить противника задача не из легких. Ведь самого Ходасевича обложили – у него дома и в квартире Тани установлены камеры скрытого видеонаблюдения...

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна и Сергей Литвиновы

Оскар за убойную роль

Пролог

Париж.

13 июля 1987 года.

Валерий Петрович.

Блондинка за рулем «Пежо» и в самом деле была хороша.

Она ловко припарковала свое авто у тротуара – в крохотное пространство меж двух машин. Заглушила двигатель, открыла дверцу. Стала видна ее стройная ножка в мини-юбке. Блондинка засмеялась и что-то сказала человеку, сидевшему на пассажирском сиденье (его лица пока было не разглядеть). Через минуту из автомобиля вышел и мужчина. Теперь он прекрасно был виден в безжалостном свете летнего полудня.

«Да, это он», – вздохнул про себя Валерий Петрович. Отодвинул чашечку из-под эспрессо. Поднял руку, подзывая официанта. «Десять франков – кофе, – просчитал он в уме, – плюс двадцать два франка – бутылочка перье. Грабеж среди бела дня. Если так и дальше пойдет, от моих командировочных ничего не останется. Я Танюшке и куклу-то обещанную не привезу... Но самое поганое, конечно, не это. Самое поганое, что все подтвердилось. Это действительно она. А главное – с нею точно он».

Валерий Петрович отсчитал деньги за кофе и воду, добавил чаевые и оставил на столе тридцать пять франков.

«Мерси, мсье!» – пропел официант.

Пока рассчитывался, Валерий Петрович по-прежнему рассматривал блондинку и молодого человека. Они не подозревали, что за ними наблюдают, вели себя естественно, и поведение их не оставляло никаких сомнений относительно их намерений. Молодой человек вышел из машины, оглянулся по сторонам. Валерия Петровича он не заметил – тот сидел в уличном кафе на расстоянии метров пятидесяти, в тени зонтика, прикрыв лицо темными очками.

Молодой человек что-то сказал блондинке, которая уже открывала дверь подъезда своим ключом. Та расхохоталась и фамильярно похлопала его пониже спины. В подъезд они вошли обнявшись.

Валерий Петрович грустно усмехнулся и встал из-за столика.

* * *

В лифте блондинка обняла молодого человека. Он нагнулся к ней и стал ее целовать. На шестой этаж лифт тащился долго, и молодой человек успел расстегнуть три пуговицы на блузке девушки.

Они ввалились в полутемную комнатенку мансарды и принялись судорожно срывать друг с друга одежду.

– О Жюли, – пробормотал он по-русски, – я так хочу тебя!
– Подожди, Николая, подожди, – отвечала она по-французски и смеялась, – какой ты нетерпеливый – настоящий медведь!..

* * *

– О Жюли, я так хочу тебя!
– Подожди, Николая, подожди, какой ты нетерпеливый – настоящий медведь!

Эти голоса доносились из большого кассетного магнитофона.
Двое мужчин в наушниках, слушавших запись, обменялись выразительными взглядами.
– О черт! – сказал первый по-английски. – Опять придется слушать эту порнуху.
Из магнитофона стали доноситься звуки любовной борьбы: постанывание, учащенное дыхание, интимный сбивчивый шепот.
Один из мужчин, поморщившись, сделал звук тише.
Магнитофон продолжал писать вздохи и стоны, раздающиеся за стеной, в мансарде.

Наши дни.

21 июня, понедельник.

Таня.

Кто сказал, что понедельник – день тяжелый?

Татьяна Садовникова любила понедельники. Во-первых, в понедельник легче вставать – организм, отоспавшийся за выходные, терпимее относится к будильнику. Во-вторых, в понедельник на улицах Москвы (замечено многолетней практикой) гораздо меньше машин, чем в прочие будни. То ли народ с дач уехать не спешит, то ли в воскресенье так накеросинится, что на следующий день и за руль сесть боится. В общем, красота, пробок почти нет, и на работу поэтому можно выехать попозже.

Вот и сегодня Татьяна вышла из подъезда не в полдевятого, как обычно, а ровно в девять. Одного часа ей должно хватить, чтобы доехать до службы – в район Маяковки. А если она, несмотря на понедельник, вдруг застрянет в заторе – не беда, может и припоздать чуток. Ведь она теперь не простой клерк, а креативный директор – второй по значимости человек в рекламном агентстве. А начальство – как всем хорошо известно (в особенности самому начальству!) – не опаздывает, а задерживается.

Быть начальником Татьяне нравилось. Что уж приbedняться – приятно, когда у тебя отдельный кабинет, и кожаное кресло, и личная секретарша... А еще – приличная зарплата, и статус, и возможность покомандовать! Только самым приятным для Тани были (и это, как говорит отчим, «классический парадокс женской логики») совсем не солидная должность и не круглая сумма в зарплатной ведомости.

Больше всего Садовникова гордилась тем, что совсем не тянула «на директора». Начальницы – они ведь какие бывают? Или старухи-командирши, или стервозные гранд-дамы, или, на худой конец, изможденные молодые женщины с жесткими взглядами. А про Татьяну, что она – директор, ни один человек не догадается, пока не сунешь визитку. У нее типаж совершенно

«ненаучный» – молодой и бесшабашный. Фигура – стройная, если брючки – то в обтяжку, если юбка – то выше колена, волосы – пышные, морщин – не имеется. В общем, иногда даже подростки клеятся. На дискотеки в студенческие общаги приглашают... А вечная молодость – это так здорово! Вот бы она еще хотя бы лет десять продлилась!

Однако на одни лишь милости природы и собственный генетический код Таня Садовникова не надеялась – а просто прилагала все силы, чтоб ей никто не давал ее – о ужас! – двадцати семи. Как ни уставала – всегда изыскивала время, чтобы побегать по корту, сходить в бассейн или выдавить стаканчик отвратительного на вкус морковного сока. Как ни лень было – а никогда не забывала, что лицо само по себе молодым не останется. И кусочками льда протиралась, и маски накладывала, и задыхалась над кастрюлей с кипятком, чтобы очистить поры... Иногда – особенно после тяжелых переговоров или затянувшегося рабочего дня – в спортзал она шла, как на каторгу, и от одной мысли, что надо чистить морковку, а потом давиться невкусным соком, ее передергивало. Вместо спорта хотелось в кровать, вместо здорового напитка тянуло на коньяк... Но Татьяна с искушениями обычно справлялась. Обзывала самое себя лентяйкой и слабачкой. И отправлялась на теннисный корт или в бассейн, а когда возвращалась домой, румяная и усталая, то, прежде чем рухнуть в постель, тщательно очищала лицо и накладывала тонирующую маску... «Я сама – мой главный капитал!» – повторяла Татьяна. И очень радовалась, что она хоть и начальница, а выглядит – пусть не школьницей, конечно, но задорной студенткой лет двадцати двух. Да и чувствует себя совсем молодой – ходит быстро, чуть не вприпрыжку, и уходящий автобус может догнать на раз...

Правда, на автобусах Таня теперь ездила редко – в основном передвигалась за рулем собственной машины: творческий директор все-таки, какой уж тут общественный транспорт!

В этом году она купила – спасибо должности и высокой зарплате – небольшой джип небесно-голубого цвета – «Тойоту». Как говорят французы, «ноблесс облич» – положение обязывает. Не пристало второму человеку в «Пятой власти» ездить на маленьком «Пежо», словно какой-нибудь аспирантке.

Когда Таня только задумывалась о покупке более солидной машины, она и предположить не могла, что это приведет ее к сильнейшим нравственным страданиям. Новое авто – это, конечно, круто и здорово, только как с любимцем «пёжиком»-то поступить? Оставить «про запас»? Но двух машин для одной девушки явно много. Два гаража, двойное техобслуживание, два раза ездить в ГАИ на техосмотр – обалдеешь, да и никаких денег не хватит. К тому же соседи начнут коситься и тут же запишут в буржуи. А продавать «пёжика» рука не поднимается. Ведь верный красный автомобильчик прошел с Татьяной огонь, и воду, и медные трубы, он живой, он любит свою хозяйку и просто не переживет, если она отдаст его в чужие, равнодушные или неумелые руки.

Таня решила подарить «пёжика» маме, но Юлия Николаевна, бесконечно далекая от техники, на дочь только руками замахала: «Боже избавь!» Таня обратилась с тем же предложением к отчиму – Валерий Петрович только иронически усмехнулся: «Да я своей тушей такую крошку раздавлю!» А больше никого, кому не жалко подарить любимца, у Тани и не было...

Значит, решила она, так тому и быть. Раз не хочет «пёжик» от нее уходить, то и бог с ней, с новой машиной, будет на нем до самой пенсии – его или своей собственной – ездить. Но тут вдруг вспомнила: Димка Полуянов, давний, верный приятель, журналист из газеты «Молодежные вести», до сих пор катается на затрапезной «шестерке»! Может, предложить «пёжика» ему? Как только эта мысль пришла в голову, Таня тут же (не любила откладывать ничего в долгий ящик!) позвонила ему и попросила приехать по срочному делу.

Полуянов Таниному предложению порадовался. Расцеловал ее, но потом помрачнел и сказал:

- Гусары с женщин денег не берут. И машин тоже. Сколько твой «пёжик» стоит?
- На твое усмотрение, – дернула плечом Таня.

– Три тысячи долларов хватит? – осторожно осведомился журналист.
– Лады.
– А в кредит можно? А то у меня таких денег сейчас нет...
– Ты, – закричала Татьяна, – золотое перо, ведущий репортер «Молодежных вестей» – и у тебя денег нет?! Трех тысяч долларов?..
– «Мне и рубля не накопили строчки», – откликнулся меланхолической цитатой Полуянов.

И Татьяна знала, что Димка не врет. Еще бы у него водились деньги! Получает он, конечно, много, но и тратит немерено. То за свой счет расследование двойного убийства ведет, то в Америку ездит разбираться с похищенными из библиотеки манускриптами...¹

В конце концов они с Таней договорились, что Полуянов будет выплачивать ей оговоренную сумму в рассрочку – по триста баксов в месяц. Таким макаром меньше чем за год и рассчитается.

Ударили по рукам – Димка запрыгал от счастья. А для Садовниковой главным было, что «пёжик» не уйдет в чужие руки. Полуянов хоть и лихач, но к самой машине будет относиться бережно: чистить, мыть и холить. К тому же он обещал: по первому Татьянинному слову давать «пёжика», если ей вдруг понадобится или просто захочется покататься.

Сделку провернули весной, и теперь Таня стала рассекать по столице на новеньком маленьком джипчике. Всем хороша машинка – шустрая, приемистая, послушная! Одна беда: дать «Тойоте» собственное имя у Тани пока не получалось. Именовывать джип, согласно цвету, «Голубым» – не годилось, возникали ненужные ассоциации. Окрестить «Рафиком» – похоже то ли на азербайджанское имя, то ли на латвийский микроавтобус. «Четверка» – тоже не подходит, вызывает совершенно лишние аллюзии с отечественным автопромом...

...Вот и сегодня, утром двадцать первого июня 20** года, Татьяна всю дорогу до офиса вполуха слушала радио и крутила в голове всевозможные ласковые имена... «Джипяра»? Грубо. «Голубичка»? Плоско. «Джипунчик»? Длинно. Настолько увлеклась этой игрой, что ехала, считай, не глядя – водительский опыт у нее большой, можно уже рулить совершенно машинально... Так Таня и доехала, словно на автопилоте, от Новогиреева до офиса на Маяковке. И, погруженная вся в свои мысли, конечно, не заметила, что за ней от самого ее дома следует микроавтобус «Форд-транзит» с затененным лобовым стеклом.

* * *

В девять сорок пять, за пятнадцать минут до начала рабочего дня, Татьяна уже въезжала в подземный гараж рекламного агентства «Пятая власть». Охранник, дежурящий на парковке, встретил ее улыбкой и комплиментом:

– Шикарно выглядите, Татьяна Валерьевна!

– А, просто выпалась! – отмахнулась она (не рассказывать же, что вчера весь вечер проторчала у косметолога и чуть не задохнулась под маской из разноцветных глин). – Ну, как жизнь? Какие новости?

– Жизни без вас, Татьяна Валерьевна, – никакой, – вздохнул охранник (он с удовольствием разглядывал ее ноги, обтянутые модными в этом сезоне розовыми брючками). – А новостей – тоже пока никаких. Никто ж не пришел еще! Вы сегодня первая...

Таня хмыкнула:

– Горю на работе!

---

¹ Подробно об этом читайте в романе А. и С. Литвиновых «Рецепт идеальной мечты», издательство «Эксмо».

Еще раз улыбнулась охраннику, пошла к лифту – и с удовольствием чувствовала, что он провожает ее заинтересованным взглядом: между прочим, не на всех директоров – ох, далеко не на всех! – такими глазами смотрят!

...Агентство «Пятая власть» занимало симпатичный двухэтажный особнячок в районе Маяковки. Домику хоть и больше ста лет, а выглядит как новенький. Только что закончились перепланировка и ремонт, пахнет свежей краской.

По гулкому бетонному коридору Таня подошла к лифту, нажала кнопку вызова. Лифт дзынькнул своим звоночком: мол, я здесь, готов везти, куда хотите. Но двери не открывались: чтобы войти, сначала требовалось оставить отпечаток своего указательного пальца в сканирующем устройстве – новая система безопасности, ее установили по инициативе шефа «Пятой власти» Андрея Федоровича Теплицына.

– На, получи! – Хоть лифт и бездушный, но ему Таня тоже улыбнулась. Приложила указательный палец к сканеру.

– Добро пожаловать! – механическим голосом откликнулся лифт.

– Мерси, – усмехнулась Таня, проходя в кабину.

Поначалу Тане не нравились подобные меры безопасности. Она ведь не на ракетной базе работает и не в секретном институте! Но вскоре Таня привыкла. А что, даже удобно: ни надоедливый поклонник на работу не заявится, ни заботливая мамочка, ни шизофреник, свихнувшийся на рекламе. Теперь, после ремонта, любых гостей агентства никогда и ни за что – будь это хоть самый разнаиважнейший клиент! – вообще не пускали выше первого этажа.

Особняк перепланировали так: первый этаж – только для посетителей. Тут располагались приемная и три просторные переговорные комнаты, снабженные всем необходимым для многочасовых толковищ – бумагой, ручками, минералкой и кофе. А на второй этаж, где помещались рабочие кабинеты, допускались исключительно сотрудники агентства. Таня уже успела оценить, что в этом, помимо заботы о безопасности и конфиденциальности, имелся важный психологический момент. На встречи с клиентами рекламисты, словно небожители, спускались в переговорные комнаты откуда-то сверху – и это действовало на заказчиков впечатляюще. Кроме того, никто из избранных не видел внутреннюю кухню агентства: столы, заваленные бумагами, эскизы плакатов на стенах, невымытые чашки и недоеденный пирожок в отсеке для чаепитий.

...Таня вознеслась на лифте на второй этаж.

Вдоль пустынного коридора тянулись кабинеты. Первым от двери был ее отдел – креативный. Таня снова вложила указательный палец в сканирующее устройство. Дверь щелкнула и открылась.

Как и предупреждал охранник с парковки, она оказалась сегодня в офисе первой. Рекламисты – люди творческие, по утрам любят поспать и на работу чаще опаздывают, нежели приходят вовремя.

Ее встретили четыре молчаливых компьютера, четыре стола в полном творческом беспорядке. Здесь сидели двое копирайтеров и двое дизайнеров – две творческие пары, подчиненные непосредственно ей.

Таня пересекла рабочую комнату и вошла в отсек своей личной секретарши – Наташки. Сразу же за крошечным секретарским предбанником располагался Татьянин кабинет. Она толкнула дверь. Внутри отдела двери не запирались – и не то чтобы на электронный замок, а даже на обычный ключ.

В Танином кабинете – таком родном, таком привычном – все было как всегда: опущенные жалюзи, стол, сейф, удобное кожаное кресло. На столе стояла невымытая кофейная чашка – в пятницу Татьяна засиделась допоздна, секретарша Наташка к тому времени уже ушла, а мыть самой посуду Тане не захотелось. Словом, кабинет выглядел совершенно так же, как в тот момент, когда она покинула его два дня назад.

Однако... Однако профессионал – к примеру, опытный разведчик (каковым был Татьяна отчим Валерий Петрович) – по мельчайшим изменениям в обстановке смог бы заметить, что за прошедшие выходные здесь кто-то успел побывать.

* * *

Постепенно агентство наполнилось народом. Пришли дизайнеры, копирайтеры – Полина с Родиком да Мишка с Артемом. Каждый счел своим долгом заглянуть в Татьянин кабинет и поздороваться с ней. С традиционным двадцатиминутным опозданием вбежала запыхавшаяся секретарша Наташка. Рухнула за свой столик, принялась лихорадочно краситься. Татьяна прервала это увлекательное занятие, выглянув в предбанник – секретарша немедленно приняла виноватый вид. Таня не стала распекать подчиненную, просто холодно сказала:

– Наталья, будь любезна, сделай мне кофе. – А потом смягчила стальные нотки в голосе: – Да и сама можешь попить.

На столе у Татьяны лежал список немедленных, срочных, неотложных дел: «12.00 – презентация проекта; позвонить в «Кока-Колу»; позвонить в Би-Би-Ди-О...» – и так далее, из двадцати двух пунктов. Начиналась обычная, будничная круговерть.

В Танин кабинет вошел шеф. Как всегда, без стука. Татьяна приподнялась в кресле, приветствуя его. Босс, Андрей Федорович Теплицын, ответил на ее рукопожатие.

– Здравствуйте, Андрей Федорович.

– Привет, Татьяна Валерьевна.

Андрей Федорович был ушлым, умным и хитрым. Татьяна отдавала себе отчет в том, что процентов восемьдесят заказов добывал для агентства именно он, генеральный директор. Связи его казались безграничными. Он был вхож во многие правительственные, думские, банковские и «нефтяные» кабинеты. И пуще того – был своим в соответствующих саунах и охотничьих домиках. Приближенность Андрея Федоровича к власти и деньгам приносила сочные плоды, и зачастую Танина работа над тем или иным проектом начиналась после того, как в ее кабинет входил Теплицын и с деланой небрежностью бросал: «Я тут для нас заказец раздобыл».

Смета заказа всякий раз оказывалась как минимум полмиллиона долларов.

У Андрея Федоровича имелась еще одна черта, зело способствующая его карьере: он был невероятно, умопомрачительно красив. Тонкие черты лица, ясные голубые глаза, волевой подбородок, прямой нос. При улыбке на щеках его появлялись задорные юношеские ямочки. Одевался шеф тоже шикарно, с тщательно продуманной дорогой небрежностью. Сегодня он был особенно хорош. Таня поневоле залюбовалась элегантными коричневыми ботинками, голубой рубашкой с красным галстуком и стильным светлым костюмом – не иначе как от «Этро». Да, шеф умеет себя подать, и нет, пожалуй, ни одной женщины на свете, которая не обратила бы внимания на столь яркого тридцатисемилетнего красавца. Татьяна сама не раз думала: «А что, если вдруг он... И я с ним... Ну, словом, что будет, если он вдруг проявит ко мне неслужебный интерес?» Впрочем, эти ее раздумья ни разу проверить на практике не удалось: к ней Андрей Федорович (равно как и к другим женщинам в агентстве) относился по-деловому – и никак иначе. При этом он не являлся «голубым» (каковых чересчур много развелось в творческих кругах). Теплицын был женат, обожал двух своих крошек-дочурок, а если и имел любовниц, то они таились где-то настолько далеко от агентства, что до подчиненных доносились о его похождениях только глухие, смутные слухи.

– Как дела, Танюшка? – спросил Андрей Федорович, присаживаясь на край Таниного стола. На людях они были по имени-отчеству, тет-а-тет переходили на «ты».

– Хорошо идут дела, все нам родина дала, – прибауткой откликнулась творческий директор.

После пары необязательных реплик – как прошли выходные? как семья? – Андрей Федорович начал разговор по делу:

– Давай-ка мы с тобой посмотрим «объективку» на Брячихина. Надо начинать по нему работать.

Брячихин был депутатом Госдумы – незаметный, из второй сотни, но очень богатый. Он жаждал сделать политическую карьеру и собирался на ближайших выборах выдвигаться в мэры Москвы. Но о его амбициозных планах мало кто знал. В основном его ближайшее окружение, в которое теперь волей-неволей вошли еще двое: Андрей Федорович с Татьяной. Именно в их агентство (хвала связям Теплицына!) Брячихин обратился, чтобы раскрутить свою персону.

Работа с Брячихиным началась с того, что чрезвычайно доверенный психолог после двух дней возни с депутатом – собеседований, тестов, ролевых игр – составил его объективный психологический портрет. Манеры, свойства, черты характера политика были тщательно проанализированы и препарированы. На основе этой «объективки» «Пятая власть» собиралась первым делом составить для депутата рекомендации: что в его внешности и характере выпячивать на публике, а что – тщательно скрывать.

Психологическая «объективка» на Брячихина являлась документом чрезвычайной секретности. Немудрено: любому человеку было бы крайне неприятно, если бы его нелюбимый психологический портрет стал вдруг достоянием гласности, – а тут публичный политик, депутат Госдумы, будущий (возможно) мэр Москвы. Поэтому с психолога, работавшего с Брячихиным, была взята строжайшая подписка о неразглашении. В самом агентстве «Пятая власть» видели документ только двое: Андрей Федорович и Татьяна. Больше того: его даже компьютеру не доверили – психолог написал «объективку» от руки. Теперь она лежала у Садовой в сейфе.

– Прямо сейчас начнем? – спросила она у босса. – А то в двенадцать у меня презентация проекта по сети супермаркетов.

– Давай прямо сейчас. Успеем покумекать.

Таня достала из сумочки ключ от сейфа. Повернулась на своем вертящемся кресле к железному ящику, вставила ключ в скважину. Сделала пару оборотов.

– А код? – спросил бдительный Андрей Федорович.

– А, я не выставляла, – беспечно откликнулась Татьяна.

Босс скорчил недовольную гримасу.

Таня распахнула дверцу сейфа – и остолбенела.

Сейф был пуст.

Строжайше секретный документ исчез.

* * *

Спустя час Татьяна снова рулила на своей «Тойоте». Теперь она ехала по проспекту Мира на окраину. Таня направлялась к отчиму.

Она была неисправимой оптимисткой и почти не сомневалась: все будет хорошо. Сейчас она приедет к Валерию Петровичу и все ему расскажет. А потом даст «вводные»: кто имел доступ к сейфу, как зовут подозреваемых. И тогда отчим посидит в кресле, полуприкрыв глаза, пошевелит губами в стиле Ниро Вульфа – и выдаст решение. Подумаешь, проблема: какая-то бумажка из сейфа исчезла!

...Хотя Андрей Федорович, узнав об исчезновении документа, взбесился дико. Переменился в лице, стал нервно крутить аристократически тонкие пальцы. Все повторял: «Катастрофа. Иначе не скажешь». А Татьяна пыталась его утешать, говорила, что «все образуется». Лично она и правда никакой катастрофы пока не видела. Ей вообще казалось, что пропажа «объективки» на Брячихина – просто чья-то шутка, довольно неуместная. Она даже предло-

жила собрать ее креативный отдел, объявить всем о пропаже и попросить «шутника» вернуть документ на место.

– Нельзя этого делать!!! – завопил в ответ на ее предложение Андрей Федорович.

– А что же, по-твоему, можно? – ледяным тоном процедила Татьяна, которая не терпела, когда на нее кто-либо повышал голос.

Теплицын стал вслух перечислять варианты, и получалось, что нельзя ничего. В милицию обращаться, ввиду полной конфиденциальности документа, – нельзя. К бандитской «крыше» – тем более. И даже к частным детективам, по тем же причинам, – совсем нежелательно. Тогда Таня сказала:

– У меня есть человек, который может нам помочь.

– Кто? – скептически откликнулся Теплицын.

– Мой отчим.

– Его зовут Шерлок Холмс? – по-прежнему не скрывал своей иронии Андрей Федорович.

– Нет, Ниро Вульф.

Брови Теплицына удивленно поползли вверх.

– То есть?

– Мой отчим – Валерий Петрович Ходасевич.

– Кто он такой?

– Полковник ФСБ. Аналитик, бывший разведчик-нелегал. И абсолютно надежный человек.

– Н-да? Насчет разведчика и полковника – охотно верю. Но... Ты можешь гарантировать, что он – абсолютно надежный?

– А я у него – любимая падчерица. Как дочка, только ближе. Он все для меня сделает.

Скрепя сердце Теплицын согласился. А что ему еще оставалось делать – своих-то предложений не было... И тогда Татьяна объявила в отделе, что уезжает по срочной служебной надобности, поручила Мишке Колпину и Артему Пастухову самим провести презентацию проекта, а Наташке – переадресовывать все важные звонки на мобильник. Подчиненные не могли скрыть своего удивления поведением начальницы. Полина и Родик, творческая парочка, во все глаза глядели на взбудораженную Садовникову. Вторая пара, Тема и Миша, переглядывалась между собой, а секретарша Наташка даже кончик языка высунула – так разбирало ее любопытство...

«А ведь один из них, – мелькнула у Татьяны непрошенная мысль, – вор. Или, того хуже, *подставщик*». Она спешно отогнала неприятное, похожее на изжогу чувство подозрительности и на рысях помчалась в гараж.

...Валерий Петрович удивился и обрадовался неожиданному визиту падчерицы. Удивление свое постарался скрыть, а вот радость маскировать не считал нужным.

– Как раз к обеду, – прогудел он, расцеловывая Татьяну в обе щеки. – Пойдем, подкормлю тебя.

– Ой, Валерочка, – отмахнулась она, – да я еще совсем не голодная.

Ходасевич обычно просыпался рано, на заре, и обедал с давно заведенной пунктуальностью ровно в полдень.

– А у меня на обед язык по-старомосковски и цыпленок по-каталонски.

– Мм... Звучит изысканно.

– Вот и пойдем, потрапезничаем вместе.

– Все забываю тебя спросить: где ты так хорошо научился готовить?

– Ну, ты же знаешь: мама твоя, Юлия Николаевна, стряпать никогда не любила. Так что у меня просто не оставалось выбора.

– И все равно: чтобы готовить так, как ты, нужен особый талант.

– А он у меня есть.

– И еще большая практика. Стажировка в каком-нибудь крутом ресторане.

– У меня и она имеется.

– Как это? – удивилась Татьяна. – Откуда?

– Я ведь четыре года поваром в посольстве проработал.

Татьяна вытаращила глаза на отчима.

– Ты никогда не рассказывал! В каком посольстве?

– В одной заграничной столице.

– В какой?

– Ну, какая разница...

– В нашем посольстве? Советском?

– Нет, – покачал головой отчим. – Другой державы. Иностранной.

– Какой? Где? Ну, скажи! – затормошила его Татьяна. – Что ты там делал? Ну, Валерочка, милый!

Она готова была забыть о собственных неприятностях, чтобы только узнать хоть какие-то подробности секретной службы полковника Ходасевича.

– Не могу, дорогая, – развел руками Валерий Петрович. – «Совсекретность» с дела еще не сняли. Вот выйдет срок давности – обязательно расскажу.

– А когда он выйдет?

– Через семьдесят восемь лет.

– Да ты смеешься надо мной! Шпион несчастный! Боров! – закричала Татьяна и двинула отчима кулачком в плечо.

Ходасевич легонько перехватил Танину руку и вроде бы шутливо завел ее на прием.

– Ой-ой, больно! – запричитала Таня, хотя ей не было ни капельки больно.

Ей нравилось в общении с отчимом порой изображать ребенка – и чувствовать себя соответственно. Все взрослые, реальные заботы куда-то отступали, и возникало чувство, словно она в далеком, давно прошедшем детстве... Будто бы она девочка, а отчим – взрослый, мудрый, сильный человек – снова ведет ее за ручку в зоопарк и, усадив на свои широченные плечи, показывает, как бултыхаются в искусственном пруду белые медведи...

...Обед действительно получился изысканным. Таня сама не заметила, как уплела и три кусочка языка, и цыплячью ножку, а потом и добавку – крылышко, да с гарнирчиком – цветной капустой в яйце и сухарях... В общем, «быть мне толстой короной!». Но, с другой стороны, она навещает отчима не так уж часто, а сегодняшние лишние калории можно будет в спортзале сбросить...

После кофе Таня достала из сумочки сигару в тубусе и протянула ее Валерию Петровичу.

– Вот, держи. Купила тебе по дороге. Настоящая «гавана».

– Спасибо, Танюшка! – искренне обрадовался Ходасевич. И добавил с самоиронией: – А я все думаю, чего мне еще для сходства с Черчиллем не хватает!

Он аккуратно обрезал сигару серебряной карманной гильотинкой (которую тоже когда-то подарила Таня) и засунул ее в рот. При этом ловко изобразил из себя британского премьер-министра военной поры: насупленные брови, оттопыренная нижняя губа, брюзгливое выражение лица. Сходство получилось столь впечатляющим, что Таня расхохоталась:

– Да ты, Валерочка, артист!

Воистину: с отчимом, этим замечательным дядькой, напрочь забываешь о собственных проблемах. Никому на свете не удастся смешить ее так, как ему.

Окно кухни было распахнуто в тихий московский дворик, оттуда струилось мягкое тепло июньского лета. Сизые клубы ароматного дыма окутывали мощный торс отчима. От раннего сытного обеда в теле разливалась приятная истома. Тане хотелось забыть обо всем, чтобы все на свете проблемы отлетели прочь... Но Валерий Петрович смахнул пепел с сигары и проговорил:

– Ну, выкладывай, что случилось.

Таня удивилась. Она ни словом, ни намеком не упомянула пока о своих проблемах.

– А откуда ты знаешь, что у меня что-то случилось?

– Я знаю тебя, – грустновато усмехнулся отчим. – Стала бы ты в будний день, да еще с утра, вместо работы, срывать ко мне, старику.

– Ну, во-первых, ты далеко не старик... – машинально возразила Таня. – А во-вторых... Во-вторых, у меня действительно неприятности.

– Рассказывай.

И Таня поведала о пропаже из своего сейфа, о том, как кража обнаружилась сегодня утром, и о беспрецедентной конфиденциальности исчезнувшего документа.

– Что ты сама обо всем этом думаешь? – спросил ее отчим, когда она изложила историю в общих чертах. Лицо его разительно переменилось с того момента, когда он наслаждался вкусным обедом, балагурил и изображал из себя Черчилля. Взгляд стал цепким, губы сжались, на широком лбу проявилась морщина.

– Представления не имею, – пожала плечами Татьяна.

– Кого может заинтересовать пропавший документ?

– Да кого угодно! Всех!

– А точнее?

Вопросы Валера задавал резко, отрывисто.

– Ну, я не знаю... Конкурентов депутата Брячихина... Его врагов... Прессу... Спецслужбу какую-нибудь...

– Что уж такого страшного написано в этой вашей «объективке»? – с делано невинным видом поднял брови отчим.

– Что? – Татьяна усмехнулась, на секунду сосредоточилась и процитировала на память: – *«Субъект обладает гипертимным типом личности на грани психопатологии... Имеет склонность к экзальтированно-демонстративному поведению... В реакциях на внешние возбудители субъекта проявляются маниакально-истерические черты его характера ...»*

– Звучит как диагноз.

– Вот именно. И это только одна страница. А там таких – четырнадцать.

– Психологи – они такие. Умеют припечатать, хоть святых выноси, – ухмыльнулся Валерий Петрович.

– На деле-то ничего страшного нет, – развела руками Татьяна. – Брячихин просто активный болтун, товарищ Обещалкин... Только в «объективке» все это написано такими мудреными словами, что народ сразу решит: по нему дурдом плачет...

– И фамилия депутата в документе упоминается?

Таня, скривив недовольную гримасу, кивнула.

– Да, причем с полным титулом!

– Неразумно, – покачал головой отчим.

– Так это ж документ для внутреннего пользования!

– Был, Таня. Был.

– Ты думаешь, все так плохо? – прикусила губу Таня.

– Сама посуди. К некому «икс» попал в руки этот документ. Раз он оказался у него – значит, уже стал достоянием гласности.

– И что теперь делать?

– Есть здесь некая нелогичность... – раздумчиво проговорил Валерий Петрович. Сигара догорала в его толстых пальцах, окутывая всю его фигуру дымом.

– А именно?

– Вот смотри. Допустим, некто «икс» – человек или организация – работает против вашего депутата Брячихина. Он, этот «икс», естественно, заинтересован в секретных сведениях, характеризующих возможности, силы и слабости депутата. Эти сведения имеются в

вашем документе... Пока – полная аналогия с секретным докладом о состоянии некой страны, которым интересуются шпионы другой страны... Правильно?

– Допустим.

– Но если шпиону попадает в руки подобный доклад, – продолжил свои рассуждения полковник Ходасевич, – что он обычно делает?

Он пристально посмотрел на Татьяну.

Та пожала плечами. Она не понимала, куда клонит отчим.

– Он снимает доклад на микро пленку, – продолжал Валерий Петрович. – А затем кладет его на место... Почему? – Он нацелил на Татьяну сигару.

Она не ответила, только досадливо пробарабанила пальцами по столешнице.

– Во-первых, потому, – сказал полковник, – чтобы агента, работающего на противника, не разоблачили. А во-вторых, чтобы неприятель – в данном случае этот ваш Брячихин – не проведаль, что противник на самом деле о нем все знает...

Отчим положил сигару дотлевать в пепельнице.

– В вашем же случае все наоборот, – заявил он. – Похищение произошло демонстративно. Документ просто выкрали.

– Может, – с легкой язвительностью возразила Таня, – наш шпион непрофессионал? И у него, совершенно случайно, не оказалось с собой микрофотокамеры?

– А ксерокс в вашем отделе есть? – прищурился отчим.

– Есть, – опустила Таня глаза.

– Вот тебе и ответ.

– А может... – заспорила она, понимая, впрочем, что спор уже проигран, однако природное упрямство не позволяло ей никогда уступать без борьбы, и она продолжала сражаться даже в самой безнадежной ситуации. – Может, наш шпион не знал, что у нас есть ксерокс? Или не умел им пользоваться?

– А может, он вообще слабоумный слепоглухонемой, – саркастически проговорил Ходасевич, и Татьяна смирилась.

– Но тогда что все это значит? – воскликнула она.

– Возможно, – протянул Валерий Петрович, – демонстративное исчезновение документа означает, что кого-то хотели подставить...

– Подставить? – вскинулась Татьяна. – Кого конкретно?

– Трудно сказать. Может, ваше агентство в целом. Может, твоего босса Теплицына. А может, лично тебя.

* * *

Московский ресторан «Венеция» был совсем новым и располагался неудобно – на обочине третьего транспортного кольца, поэтому посетители его своим вниманием пока не баловали. В сени псевдоколонн скучали человек десять официантов в париках и камзолах, а гостей присутствовало только двое. Один лет пятидесяти, другой значительно моложе – годов, наверное, тридцати, оба безупречно одетые и постриженные. Они сидели за столиком в углу и тихо беседовали, запивая красным вином мясо по-неаполитански.

– Ну, я тебя поздравляю, – произнес тот, что помоложе. – Дело пошло.

Собеседник небрежно кивнул:

– Знаю. Уже видел.

– Ну, и как тебе? – вкрадчиво спросил молодой.

Пожилый скривился:

– Посмотрим, что будет дальше...

Молодой отодвинул тарелку, впился в собеседника внимательным взглядом и требовательно спросил:

– О чем ты?

Пожилой не смутился. Спокойно выдержал его взгляд и сказал:

– О том, что пока меня твоя затея не впечатляет. – И припечатал: – Мелко, банально, скучно.

– Ну, это же только начало, – пожал плечами молодой. – Как говорится, разгон. Первая передача. А дальше-то все веселей пойдет. Чем выше скорость, тем острее ощущения.

– Чем дальше, тем лучше, говоришь? – кисло откликнулся тот, что постарше. – А я думаю, что ударным должно быть именно начало. Зацепка. Лихой старт.

– Тут ты не прав, – твердо сказал молодой. – Нельзя же всех под одну гребенку причислять! У нас подходы другие. И задача иная. Так что начало совершенно нормальное. Все по плану, как доктор прописал. А дальше все завертится так, что пальчики оближешь.

– Ты раньше времени-то не радуйся, – предостерег старший. – Ты, по-моему, не отдаешь себе отчета, с кем связался. Они люди умные, хитрые и с большими связями. Поэтому будь предельно осторожен. Понял? Предельно!

– Да все я понимаю! – досадливо откликнулся молодой. – Будь спок! Всё под контролем, и все будет хоккеем. Мы еще покажем им небо в алмазах! Да и сами получим удовольствие.

Он снова придвинул к себе тарелку и принялся торопливо доедать остывающее мясо по-неаполитански.

Понедельник, день.

Таня

Таня запросила у отчима чаю – дыпленок по-каталонски оказался островат. Но пить захотелось не только поэтому. Теперь, по нешутейно озабоченной реакции отчима, она наконец осознала всю серьезность случившегося и всю неприятность своего собственного положения, и ей требовалось взять тайм-аут, подумать, «переварить»... Валера засыпал в заварной чайник чаю, затем сходил в комнату и вернулся на кухню с большим кожаным блокнотом.

– Пройдемся по деталям, – предложил он, усаживаясь на подушки кухонного уголка.

– Как скажешь, – смиренно отозвалась Татьяна.

– Начнем с окна в твоём кабинете. – Отчим нацепил на переносицу большие очки и открыл кожаный кондуит. Пристально глянул на Татьяну из-под очков. – Сейчас лето. Возможно, его перед уходом забыли закрыть?

– Нет, ну что ты! Я его всегда закрываю, когда ухожу. К тому же оно на сигнализации. Если вдруг не запрешь – сирена будет визжать, охрана тут же прибежит.

– Хорошо. – Валерий Петрович сделал пометку в блокноте. – Теперь двери. Как они запираются?

– Я же тебе рассказывала: у нас новейшая система охраны. Какая-то американская. Пускают только по отпечатку пальца. Не думаю, что такую систему можно сломать. Или взломать.

– Хорошо. – Еще одна пометка. – А что насчет самого сейфа?

– Сейф какой-то новый, маленький. Тоже импортный. Помимо ключа, у него был код, но я... – Таня горестно вздохнула. – Я им не пользовалась. Боялась, что забуду или перепутаю. У меня в голове и так целая каша из этих кодов: пин для кредитки, пин для мобильного... Ну, я и решила, что с кодом для сейфа будет явный перебор...

– А ключ?

– Я его носила на своей связке. Вместе со всеми другими ключами: от машины, квартиры.

– Где ключи лежали у тебя в рабочее время?
– В сумочке. Я их никогда не вынимала.
– А сама сумочка?
– На моем столе. – Татьяна пожала плечами. – Ну, или на стуле. Или на подоконнике. В общем, где угодно в пределах моего кабинета.
– А у кого запасной ключ от сейфа?
– Он один и только у меня.
– Так не бывает, – жестко сказал отчим и посмотрел на нее поверх очков. – Всегда есть запасной.

Тане послышался металл в голосе Ходасевича, и она внутренне поежилась, представив, насколько неуютно чувствовали себя те люди, которых полковник допрашивал по-настоящему. Валерий Петрович испытующе глядел на нее.

– Говоришь, есть запасной? – проговорила она растерянно и отвела глаза. – Не знаю... Я не знаю, где он хранится.

На секунду ее обуял страх: как в детстве, словно она набедокурила в школе, получила двойку или дурацкую запись от училки в тетрадь – и идет домой, холодея от того, что Валерочка узнает и станет ругаться. Валерочка... Она никогда, даже в самом раннем детстве, не называла его папой и знала, что он ей – не отец. Но он никогда не ругал ее. Никогда. Мама – та кричала и наказывала. А Валерочка – нет. Однако, несмотря ни на что, не маму, а именно его Таня всегда боялась, когда делала что-то неправильное. Вот и сейчас она нервно облизнула губы.

– Чай уже заварился, – промолвила она. По сравнению с детством Таня ловко научилась скрывать страх и владеть своими эмоциями. И уводить разговор в сторону.

Она разлила душистый «Липтон» по чашкам.

– Есть варенье – мамино, крыжовенное, – предложил полковник.

– Мамино крыжовенное? – скорчила гримаску Татьяна. – Не хочу. А конфет у тебя нет?

– Не держим-с.

– Все худеешь?

– Пытаюсь. – Отчим развел руками.

– По-моему, не очень получается, – заметила жестокосердная падчерица.

– Смотря что считать целью. Если твои пятьдесят килограммов – то мне до них далеко. А если мои обычные шесть пудов – я почти в норме. – Валерий Петрович похлопал себя по пузу, а потом отхлебнул чай и придвинул к себе кожаный блокнот. – Ладно, вернемся, как говорят французы, к нашим мутонам. Итак, похищен важный документ. Кто, скажи мне, Танюшка, знал, что он находится у тебя в сейфе?

– Кто? Я знала, – легкомысленно откликнулась Татьяна.

– Это естественно. – Полковник метнул на падчерицу строгий взор. – Еще?

– Андрей Федорович Теплицын, наш начальник, тоже знал.

Полковник кивнул.

– Дальше.

– А дальше... Я не знаю... Вроде больше никто.

– Значит, – Валерий Петрович пристально взглянул на Татьяну, – получается, что если документ не брала ты, его взял Андрей Федорович?

Таня пожала плечами.

– Но может, – предположила она, – кто-то залез в сейф, не подозревая, что там? Случайно?

– Случайно? А что он тогда в сейфе искал? Золото-бриллианты?

– Ну, там у нас порой деньги лежат. «Черный нал».

– Большие суммы?

– Иногда. Но не больше десяти тысяч долларов.

– Когда последний раз там были деньги?

Таня задумалась.

– Да уже месяца два назад.

– Так. – Отчим постучал авторучкой по столу. – Значит, точно знали о содержимом сейфа двое: ты и Теплицын. А кто мог подозревать о наличии там документа?

– Я думаю, – вздохнула Татьяна, – любой человек из моего отдела. Мы с Андреем Федоровичем о существовании «объективки» специально не распространялись, но и тайны особой из этого не делали.

– Что ты имеешь в виду?

Татьяна пожала плечами.

– Мы с боссом пару раз разговаривали о документе. Разговоры могли слышать мои сотрудники.

– Каким образом? Вы что, в коридоре о нем болтали? Или в столовой?

– Нет, но кабинет у меня маленький. Двери в него я обычно не закрываю. Наташка, моя секретарша, тоже, в свою очередь, не закрывает дверь из своего предбанника в отдел.

– Жизнь на виду, за стеклянными стенами, – усмехнулся отчим. – Евгений Замятин, роман «Мы».

– Просто мне так удобнее, – парировала Татьяна. – Я всегда слышу, кто из моих сотрудников чем занимается.

– А они – чем занимаешься ты, – припечатал полковник.

– Но я же главное, чем они, – не сдавалась Таня.

Отчим только рукой махнул от такого упрямства и не счел нужным дальше спорить с падчерицей.

– Значит, все указывает, – сказал он, откидываясь на спинку диванчика, – на то, что документ похитил кто-то из своих.

– Мне бы очень не хотелось так думать... – протянула Таня. – Но что еще остается? Доступ в нашу контору – по отпечатку пальца; доступ в отдел – тоже. В базу данных замка, я знаю, внесены пальчики семерых человек: меня, Андрея Федоровича и пятерых моих сотрудников. Вот и весь круг подозреваемых.

– А если в этот ваш «дактилоскопический ключ» засунет палец кто-нибудь посторонний?

Татьяна пожала плечами.

– Дверь не откроется. И раздастся сигнал на пульте охраны. Мы ради интереса проверяли.

– А я думал, – иронично заметил отчим, – что эта ваша система чужой палец откусывает.

– Нет, слава богу, – усмехнулась Таня.

– Кто же у вас тогда в кабинетах убирается? – не оставив ироничного тона, спросил полковник. – Неужели вы сами?

– А чего ты усмехаешься? – неожиданно обиделась Татьяна.

– Просто не могу тебя представить со шваброй в руках.

– Да я, в общем-то, и сама себя со шваброй не могу представить, – согласилась Таня.

– Каким же образом к вам в отдел попадает уборщица?

– Уборщица приходит по четвергам и понедельникам. И убирает кабинеты она в рабочее время, когда все на месте.

– Это же неудобно, – заметил отчим. – Сидишь за компьютером, а тебе мокрой тряпкой по ногам елозят.

– Согласна. Зато есть гарантия, что уборщица не выкинет эскиз какого-нибудь важного макета. И не скоммуниздит для конкурентов результаты наших исследований или разработок.

– Значит, – ухватился за последнюю фразу Валерий Петрович, – у вашего агентства есть еще что скрывать – помимо того документа?

– Конечно, всяких конфиденциальных данных полно. И исследования рынка по той или иной группе товаров. И результаты эффективности нашей рекламы... Конкуренты за такую информацию дорого бы дали.

– «Дорого» – это сколько?

– Ну, это я фигурально выразилась. Как-то с трудом могу представить, чтобы какое-нибудь всемирно известное агентство, типа «Огилви» или «Ясперс энд бразерс», шпионило за нами. Я подобных случаев в нашем бизнесе вообще не припоминаю.

– О коммерческом шпионаже вряд ли кричат на каждом углу, – рассудительно заметил отчим. – Хорошо, теперь поговорим о последствиях кражи. Если всплывет информация, что у вас в компании пропал важный документ, – это сильно ударит по вашей репутации?

– Думаю, изрядно, – кивнула Таня.

– Есть ли среди твоих сотрудников те, кто в обиде на вашу фирму?

– В обиде? Вряд ли. По-моему, они все в достаточной степени к нам с Андреем Федоровичем лояльны. Платим мы им хорошо. Никто за последний год никакого открытого недовольства не высказывал. Бурчат, конечно, по углам...

– О чем бурчат?

– В основном что в выходные и по вечерам приходится работать... Но, Валерочка, я не могу представить, чтобы кто-то из них...

– А представить придется, – жестко прервал Татьяну полковник. – Потому что похитить документ больше некому.

* * *

Хотя никто никаких объявлений не делал, весть о том, что что-то случилось, по агентству разнослась быстро. Сотрудникам достаточно было сопоставить крайне озабоченное лицо Андрея Федоровича, вышедшего из кабинета Садовниковой, и поведение самой Татьяны, которая следом выскочила из своего закута как ошпаренная кошка и куда-то унеслась. Работники «Пятой власти» немедленно отложили дела, взялись пить кофе и вслух строить различные предположения о том, что же произошло. Поскольку люди все были творческие, версии звучали злоязычно – в диапазоне от юмора до гротеска.

– Босс предложил Садовниковой руку и сердце, и она помчалась свадебный букет заказывать, – высказался копирайтер Мишка Колпин.

– Нет, они оба расстроенные были, – рассудительно возразила секретарша Наташка.

– Значит, Танька беременна от Теплицына, – заявил дизайнер Артем Пастухов, – и тот погнал ее делать аборт.

– Круто! – оценил шутку напарника Мишка.

– Они, наверное, узнали, что от нас какой-нибудь важный клиент уходит, – попыталась вернуть коллег к реальности другой копирайтер, Полина Павленко. И уколола: – Например, ваши колбасники, которым вы в четвертый раз макеты переделываете.

Родик Щапов – напарник Полины, дизайнер – опять перевел разговор в шутейную плоскость:

– А Танюха, чтобы клиента вернуть, срочно поехала ему отдаваться.

И хотя Татьянины подчиненные ни разу не замечали ни оттенка каких-либо особых отношений между нею и Теплицыным, ни ее излишнего кокетства с заказчиками, все равно злоязычный разговор крутился вокруг секса. Словом, в отсутствие Тани сотрудники вели себя так, как ведет себя любой коллектив в отсутствие начальства: вдохновенно об этом самом начальстве злословили.

...В творческом отделе за чайным столом собралось пятеро.

Один человек из этих пяти прекрасно знал, что на самом деле случилось, но недоумевал наравне с остальными коллегами.

Он очень хорошо играл свою роль.

* * *

В то же самое время Валерий Петрович отставил чашку из-под чая и спросил Татьяну:

– Ты кого-нибудь подозреваешь?

– Понятия не имею, – дернула та плечиком. – Пожалуй, никого.

– Тогда расскажи мне о каждом из своих сотрудников.

– С кого начинать?

– С того, кто тебе больше нравится.

Таня вспыхнула.

– А с чего ты взял, что мне вообще кто-то из них нравится?

– Ну, в любом коллективе, – примирительно прогудел отчим, – кто-то нравится меньше, кто-то – больше.

Таня пожала плечами, как бы принимая извинения Валерия Петровича.

– Все пятеро моих подчиненных, – начала она, – люди молодые. Никому еще и тридцати нет. У всех – высокая зарплата.

– Какая конкретно? – перебил полковник.

– У копирайтеров с дизайнерами – около тысячи плюс бонусы. У Наташки, секретарши, – примерно семьсот. Долларов, я имею в виду.

Отчим покачал головой.

– Я всегда знал, что в рекламе жулики работают, – заметил он иронически, – но не думал, что работа этих жуликов настолько высоко оплачивается.

– А как же! – в тон ему отыграла Татьяна. – Чтобы народ дурить, большой ум нужен. И квалификация.

Ей приятно было, что с «допрашивательного» тона Валерий Петрович хоть иногда соскальзывает на иронический: тогда он выглядит не как суровый полковник ФСБ, а как любимый отчим.

– Расскажи о каждом своем сотруднике персонально, – попросил Валерий Петрович. Его лицо снова стало серьезным, взгляд сверлил Татьяну. – Начни с женщин.

– Почему с женщин? Ты же спросил, кто мне больше нравится. А мне по жизни больше нравятся мужчины, – ответила Таня, стараясь удержать юмористически-отстраненный тон: так ей было легче.

– Женщины – существа более коварные, чем мужики.

– Ох, поспорила бы я с тобой, – вздохнула Таня, – да не хочу отвлекаться... Ладно, с женщин так с женщин... Номер один – Полина Павленко. Ей двадцать семь лет. Копирайтер. Окончила Институт стали и сплавов...

– Подожди, – перебил отчим. – Ты меня всегда учила, что копирайтер – это человек, который рекламные тексты пишет. А тут – «стальной» институт...

– Всяко бывает, – пожала Татьяна плечами. – В нашу профессию откуда только не приходят. Можно хоть арбузо-литейное ПТУ окончить – главное, чтобы талант был. Вот и у Полинки он тоже есть... Она еще лет в девятнадцать приняла участие в каком-то конкурсе для рекламщиков-любителей. Заняла шестое место. Ее пригласили в одно агентство поработать – сначала бесплатно. Она себя проявила и после института пошла туда уже на ставку.

– Эта Полина Павленко давно у вас работает?

– Года четыре.

– Дольше тебя, – заметил отчим.

– Да, – кивнула Таня. – И она, конечно, хотела, чтобы ее на мое место назначили – начальником креативного отдела.

– Почему ж назначили не ее?

– Она странная.

– В смысле?

– Одевается, как хиппи. Носит сережку в носу. Иногда молчит целыми днями. Обратись к ней, а она ответит односложно – и снова молчит.

– Настоящая творческая личность, – заметил Валерий Петрович.

Таня кивнула.

– Ага. Только она слишком уж творческая, чтобы быть начальником.

– А по работе к ней претензии есть?

Татьяна задумчиво помотала головой.

– Она очень толковая. Иногда такие слоганы и тексты выдает – закачаешься. Даже я, бывает, завидую. Совсем как-то странно, парадоксально у нее мозги работают.

– Она замужем?

– Нет, но живет с бойфрендом. Уже года два.

– Успехом у мужчин пользуется?

– Не особенно, – хмыкнула Таня. – Она дылда, больше ста восьмидесяти. Фигура у нее какая-то нескладная. И нос длинный, висячий. Вечно лохматая, никогда никакой прически. Ногти грызет. А потом, она, по-моему, мыться не любит. Даже потом от нее иногда пахнет. Представляю, какой кавардак у нее в квартире творится.

– Как же вы такое терпите? – изумился Валерий Петрович. – А этот, как его, – «дресс-код»? Внутрифирменная этика?

– Поalinkа с клиентами не общается, а мы... Мы и потерпеть можем. Хотя... Мне самой как-то неудобно, но Наташка, секретарша, пару раз делала ей замечания.

– Как у Полины обстоят дела с наркотиками?

– А почему ты вдруг спросил?

– Типаж у нее уж больно подходящий.

– Точно не знаю, – покачала головой Татьяна. – Хотя вряд ли. Может, иногда травкой и балуется. Но тяжелые наркотики наверняка не употребляет. Иначе она бы в творческом отделе работать просто не смогла. Героин мозги напрочь выжигает.

– Это точно, – кивнул полковник. – Но продолжим о Павленко. Может, у нее есть какие-то проблемы? На чем ее могли бы зацепить?

– Я не знаю. Мне она никогда ни на что не жаловалась.

* * *

На расстоянии километров десяти по прямой от того места, где разговаривали Татьяна и Валерий Петрович – в рекламном агентстве «Пятая власть», – Полина Павленко вышла из комнаты творческого отдела в коридор. Оглянулась. В коридоре не было ни души. Никто, кажется, не мог ее подслушать.

Полина подошла к окну, присела на подоконник и вытащила из кармана линялых джинсов мобильный телефон. Набрала номер. Когда соединение установилось, она, не здороваясь, тихо спросила:

– Ну, что? Чем он сейчас занимается?

* * *

Валерий Петрович записал скорописью в свой кожаный кондуит данные на Полину Павленко. Спросил Таню:

– Ее адрес?

– Точно не знаю. Она где-то в Строгине квартиру снимает.

– Телефон?

Таня достала мобильник, выудила из записной книжки домашний и сотовый номера Полины, сообщила их отчиму. Тот записал, попросил:

– Хорошо. Кто там у нас следующая?

Таня вздохнула:

– Опять про женщину? Не выйдет. Нелогично.

– Почему?

– Потому что у каждого копирайтера есть, как мы говорим, «творческая половина». Ну, вторая, как бы неотделимая, часть. А в паре с Полиной работает мужчина. Родик. Ну, или Родион Щапов. Дизайнеры вообще всегда работают с копирайтерами в паре. Копирайтер выдает идеи, придумывает образы и стиль, а дизайнер его идеи воплощает: делает эскизы, рисует макет или раскадровку ролика. Иногда, правда, и сам дизайнер что-нибудь выдумывает – и тогда они с копирайтером пляшут от его изобразительного решения. Но это не в случае с Родиком. У него вата вместо мозгов.

– Зачем же вы его тогда взяли? – поинтересовался Валерий Петрович.

– Он художник классный. Просто, что называется, милостью божьей. Стиль у него легкий, веселый. То, что в рекламе как раз и надо. Он на нас на всех шаржи нарисовал. Да так похоже! Кстати, не хочешь ли – он и на тебя шарж сварганит?

– Нет уж, спасибо, – поморщился отчим. – Я со своим пузом и так выгляжу как шарж. На самого себя.

– Ты выглядишь очень мило и колоритно, – подольстилась Татьяна.

– Зеркало мне обычно сообщает обратное... Ладно, что еще ты знаешь о Щапове?

Таня дернула плечиком.

– С Полиной Павленко они – идеальная парочка. Я имею в виду не секс, а по части работы. Понимают друг друга с полуслова. Все ее гениально-безумные идеи он подхватывает и воплощает. И очень хорошо получается. Полинкиных мозгов им с Родионом на двоих хватает.

– А их сотрудничество не переросло во что-то большее?

– Нет, – уверенно покачала головой Татьяна. – Во-первых, Щапов на полголовы ниже Павленко. Во-вторых, он красавчик писанный и цену себе знает. На такую швабру, как Павленко, вряд ли польстится.

– А с кем-нибудь в агентстве у него был роман?

Таня слегка покраснела.

– Он ко мне клинья подбивал, – призналась она. – Но без всякого успеха. Ты же знаешь, Валерочка, я не люблю глупых мужчин.

– Получив от тебя атанде, он обиделся на тебя? Разозлился? Может быть, злобу затаил?

– Да не похоже. Он, мне кажется, и атаковал меня без особой надежды на успех. Так, для порядка. И мой отказ воспринял как должное.

– Он женат?

– Нет. Живет один. Говорят, большая квартира на Чистых прудах. Шестикомнатная.

– Откуда у него такое богатство?

– Родители Родика вроде бы умерли (или погибли – я точно не знаю), и квартира ему в наследство осталась.

- Годков ему сколько?
- Под тридцать.
- Пороки, слабости?
- Он не пьет. Не курит. Вот разве что в казино захаживает.
- Играет по-крупному?
- Обычно нет. Он играть раз в месяц ходит, в полнолуние.
- Как это? – изумился полковник.
- Я ж тебе, по-моему, говорила: в рекламном бизнесе одни фрики² работают. Родька говорит, что в полнолуние у него интуиция обостряется. И карта прет.
- Он не людоман³ часом?
- Да вроде нет. Остановиться может. И по-крупному редко проигрывает. Правда, однажды, месяца три назад, всю зарплату в «Византии» просадил. Мне Наташка, моя секретарша, рассказывала. Он тогда у всех деньги занимал до полочки.
- Это любопытно, – пробормотал отчим, делая пометки в блокноте. Затем попросил у Татьяны номера телефонов дизайнера Щапова и тоже аккуратно занес их в ежедневник.

* * *

Родион Щапов вышел из творческого отдела и направился в сторону туалета. Походка его была беззаботной, попутно он напевал приятным баритоном:

Ты прости меня, малыш, – ду-ду-ду – дуру,
Если любишь, то простишь – ду-ду-ду – дуру...

Однако когда Щапов вошел в «комнату отдыха», от его деланой веселости не осталось и следа. Он закрылся в одной из кабинок и вытащил из внутреннего кармана пиджака какую-то бумагу. Это было письмо – мятое, все в пятнах. На конверте вместо марки расплывался чернильный штемпель.

Родион надорвал конверт и вытащил тетрадный листок, испещренный булавочно-мелкими буквами. Щапов вздохнул и принялся читать.

Он не знал, что за ним наблюдает скрытая видеочкамера.

* * *

Валерий Петрович Ходасевич встал и прошелся взад-вперед по кухне. Нашарил пачку своей любимой вонючей «Явы» и закурил.

– Валерочка, вот ты о моих сослуживцах расспрашиваешь, – промолвила, воспользовавшись паузой, Татьяна. – А что ты собираешься дальше делать?

Отчим отвечал неопределенно.

– Посмотрим, – буркнул он. Потом уселся на свое место за столом, придвинул поближе к себе пепельницу и спросил, окутываясь клубами ядовитого дыма: – Кто у нас там следующий?

– Что за вонь ты всегда куришь! – поморщилась Таня, отгоняя от себя рукой зловредный дым. – Если говорить о женщинах, то следующая на очереди – моя секретарша, Наташка.

– Слушаю тебя со всем возможным вниманием.

---

² Фрик – производное от английского разговорного freak – чудака, человек со странностями.

³ Людоман – человек, испытывающий болезненную тягу к азартным играм.

– Наталья Соколова, – словно бы по писаному начала Татьяна. Ей уже изрядно надоел допрос отчима. (А чем еще была их нынешняя кухонная беседа, как не допросом?) – Ей двадцать три года, с мужем развелась. Окончила полиграфический институт. У нас работает два года. Проживает с родителями. Характер совсем не выдержанный и далеко не нордический. Неоднократно замечена в порочащих ее связях.

– Посерьезней, Татьяна. – Отчим постучал авторучкой по столу. – Что значит «замечена в порочащих связях»?

– То и значит, – фыркнула Таня. – Прошлым летом была беременна, болтала, что замуж выходит, на свадьбу нас звала, а потом бац – с женихом разругалась и сделала аборт. А вообще вы, мужики, про таких, как она, говорите: «слаба на передок». Партнеров Наталья меняет как перчатки. Нередко снимает в клубах мужиков на одну ночь – а утром до свидания.

– А ты откуда знаешь?

– Да она сама обо всем треплется. А я у нее вроде наперсницы или старшего товарища.

– А с вашими коллегами у нее интимные связи были?

– С Родиком Щаповым – да, она мне сама рассказывала. Но недолго. Два или три свидания. Потом он ей, как она сама выразилась, «осточертел, оттого что слишком глупый». Кажется, и с другим дизайнером, Темкой Пастуховым, у нее тоже были пашни, но тут Наташка почему-то молчала как рыба. И Теплицына нашего она, конечно, хотела бы соблазнить – только это у нее вряд ли получится.

– А почему нет? Теплицын что – нетрадиционной ориентации?

– Да нет, вполне традиционной. Просто у него, во-первых, принцип: «Не гуляй, где живешь». Во-вторых, Наташка – в общем-то создание примитивное и не очень-то красивая, а Теплицын наш – человек с запросами. И со вкусом.

– Какой-нибудь скелет в шкафу у этой Натальи имеется?

Таня пожала плечами.

– Да, похоже, нет. Живет она с родителями, не пьет, не курит, наркотики не употребляет, в азартные игры не играет.

– А как бы ты охарактеризовала ваши с ней личные отношения?

– Какое это имеет значение? – слегка нахмурилась Таня.

– Все-таки ты – ее начальница. На две ступени выше ее стоишь. Она тебе кофе подает. А вы ведь почти ровесницы.

– Не знаю, Валерочка, – вздохнула Татьяна. – С виду она – сладкая-сладкая. А на самом деле, может, меня и ненавидит. Только скрывает это.

* * *

В это самое время Наталья Соколова сидела в своем закутке в агентстве «Пятая власть» и что-то быстро-быстро печатала. Руки вдохновенно порхали над клавиатурой. Вид у нее был самый деловой.

Однако человек, вдруг заглянувший ей через плечо (а была бы на работе Таня, она бы непременно так и сделала), увидел бы: Наташка печатает личное электронное послание, испещренное смайликами.

«Миленький мой, – писала она, – я по тебе уж-ж-жасно соскучилась. Когда мы увидимся, я преподнесу тебе один клевый сюрприз. Не спрашивай какой, но, обещаю, тебе понравится. Очень-очень-очень. У нас сегодня на работе тишина. Начальница моя, грозная Татьяна, куда-то свалила. У нее из сейфа какой-то важнейший документ украли. Будем надеяться, что Теплицын за это как следует ее вздрючит. Или вообще уволит.»

Сегодня мне снилось, как мы с тобой гуляли по белому-белому пляжу, а на нас сверху падали кокосовые орехи. Ты их разрезал и кормил меня из рук.

Целую тебя тысячу раз.

Твой котенок».

Наталья перечитала письмо, вздохнула и щелкнула мышкой по иконке «отправить».

Тот, кто исподволь наблюдал бы за нею, был бы немало удивлен – потому что столь интимное письмо оказалось послано одновременно трем разным адресатам.

* * *

– Итак, у нас осталось трое твоих сослуживцев, – сказал отчим.

– Почему трое? Двое! – удивилась Татьяна. – Вторая творческая парочка, дизайнер Артем и копирайтер Мишка. И все.

– А что, своего Теплицына ты априори исключила из числа подозреваемых? – прищурился отчим.

– Нет, не исключила... – слегка смешалась Татьяна. – Но... Ему-то зачем красть документ?

Таня подошла к открытому окну, сунула нос меж прутьев решетки, втянула пахнущий сиренью воздух. Улыбнулась стайке воробьев, деловито клюющих землю. Позавидовала двум подросткам – они сидели на лавочке у подъезда и с самым беззаботным видом пили пиво.

На белый «Форд-транзит», припаркованный метрах в двадцати от подъезда Ходасевича, она не обратила никакого внимания. И уж тем более ей не пришло в голову, что именно эта машина сегодня «проводжала» ее от дома до офиса, а потом – к Валерию Петровичу...

Отчим тем временем продолжал допрос:

– Так почему же воров не может быть Теплицын?

– Андрей Федорович этот документ сто раз видел, – заупрямилась Таня. – Десять раз мог снять с него копию. И потом, он же понимает, что если эта история всплывет – нашему агентству кранты.

– И все-таки я бы не стал сбрасывать Теплицына со счетов.

– Верно, – вздохнула Татьяна. – Вы, кагэбэшники, если уж подозреваете, то подозреваете всех. Давай, записывай в свой «кляузник». Андрей Федорович Теплицын. Тридцать семь лет. Хорош собой, великолепно одевается. Ты его, наверное, в телевизоре видел – лет пять назад. Его в ту пору частенько показывали.

– Не припоминаю, – покачал головою отчим.

– Ну да, ты же по телевизору только детективы смотришь, – съязвила Таня.

– Почему только детективы? – парировал Валерий Петрович. – Еще мультики.

Вид у него во время этой реплики был пресерьезный, и Татьяна расхохоталась.

Отсмеявшись, сказала:

– Теплицын и вправду несколько лет назад гремел. Он большим агентством на телевидении руководил. Торговал рекламным временем в «ящике». Вся телевизионная реклама была в его руках. Но потом Андрея Федоровича из этого бизнеса выдавили. Кто и как – я подробностей не знаю. Он никогда не распространялся. Тогда он ушел с ТВ и решил начать все с нуля. Вот и создал наше агентство.

– Он богатый человек?

– Еще какой! – кивнула Таня. – Наверное, миллионер. Долларовый, я имею в виду.

– Зачем же такому богачу еще и работать? – удивился Валерий Петрович. – Жил бы себе где-нибудь на Майорке.

– А вот я Андрея Федоровича понимаю, – развела руками Татьяна. – Без работы скучно.

– Хочешь сказать, если б у тебя был миллион долларов, ты бы все равно работала? – скептически прищурился Ходасевич.

– Н-ну, – протянула Татьяна, – годик я бы отдохнула: в кругосветное путешествие поехала б – может, даже с тобой...

– Мерси, конечно, – вставил полковник, – но я до сих пор невыездной...

– ...а потом, – закончила Таня, – я все равно стала бы каким-нибудь делом заниматься.

Иначе с тоски помрешь.

– Понятно, – кивнул отчим. – Вы с Теплицыным два сапога пара. Оба трудоголики. А какие у твоего Андрея Федоровича слабости? Привычки, пристрастия?

– Он привык жить на широкую ногу. На даче у него ты, кажется, бывал.

– Хорошая хибара, – подтвердил Валерий Петрович, – просторная.⁴

– Плюс, – продолжила Таня, – у Теплицына квартира в самом центре Москвы, с видом на Кремль. Отпуск он проводит в экзотических местах: сафари в Африке и все такое... Ни в чем предосудительном замечен не был. Ведет себя как паинька. Не курит, наркотиками не балуется, пьет только по служебной необходимости: с высокопоставленными друзьями или заказчиками. Правда, охотиться любит – то на уток, то на волка...

– А есть у него поводы подставлять лично тебя?

– Не могу себе представить, – пожала плечами Татьяна, – зачем ему меня подставлять?

Он и без того в два счета может меня уволить.

– Ты не ответила на вопрос. – Взгляд Ходасевича снова стал жестким.

– А мне кажется, что ответила. – Таня взбрыкнула и тоже постаралась говорить жестко. –

Если Теплицын хотел бы от меня избавиться, он сделал бы это в открытую. Он не из тех, кто копит злобу и бьет исподтишка.

* * *

Андрей Федорович сидел в своем кабинете, глубоко откинувшись в качающемся кожаном кресле и возложив ноги на стол (эту американскую привычку он приобрел в Гарварде, где стажировался в ранних девяностых).

Андрей Федорович был незаурядным человеком – и сам о себе хорошо сие знал. Воспринимал он это обстоятельство как объективный факт, вроде того, что Луна вращается вокруг Земли. Правда, все детство и юность (попавшие как раз на последние советские годы) ни он сам, ни близкие ему люди не могли сформулировать: а в чем же конкретно заключается его талант? И это для подростка Андрюши было отчасти мучительно: с одной стороны, прекрасно знать, что ты выбиваешься из общей серой массы, но, с другой, не понимать – а в чем конкретно ты лучше, чем другие. В школьных успехах? Но это ведь не достижение. Любой хотя бы слегка смысленный парень (или девица с чугунной задницей) могли обеспечить себе постоянно отличные оценки. Однако лишь школьные достижения были единственным видимым – до поры до времени – талантом Андрея Теплицына.

Его родители, типичные представители советской научно-технической интеллигенции, мечтали о всесторонне развитом сыне, в духе тех инженеров начала двадцатого века, что и романсы пели, и стихи декламировали, и ложу держали в опере. Поэтому они отдали Андрюшу в английскую спецшколу, а также в школу музыкальную и на фигурное катание. Английский впоследствии ему весьма пригодился; музыкой и танцами на льду Теплицын занимался с очевидным отвращением. Да и получалось у него играть на пианино и скользить по катку весьма средне. И только во взрослом возрасте, уже поняв характер своего дарования, он пожалел, что

---

⁴ Это происходило, когда Валерий Петрович скрывался во время расследования дела о маньяке. Подробнее см. роман А. и С. Литвиновых «Предмет вождения № 1», издательство «Эксмо».

его сызмальства учили бесполезным музыке и танцам, а не шахматам и теннису. Уже в девяностых Теплицын, конечно, и сам освоил шахматы с теннисом и в эти игры играл для дилетанта хорошо – на уровне, наверно, первого разряда. Но время младенчества, когда формируются теннисные и шахматные гении, было безвозвратно упущено – поэтому знаменитым мастером клетчатой доски или рыцарем ракетки Теплицын не стал.

А ведь мог бы. Мог, потому что он был мастером игры вообще. И именно в этом заключалось его дарование. Однако сам Андрей понял, в чем состоит его талант, только окончив институт, в конце восьмидесятых.

Когда начались первые кооперативы и Теплицын с друзьями по институту создали ЦНТТМ (Центр научно-технического творчества молодежи), он заметил, что сам быстрее и полнее любого другого соратника оценивает ситуацию, учитывает все факторы, даже малозаметные, строит хитрейшие и умнейшие схемы бизнеса, острее и точнее прочих принимает решения. Если бы не вдруг наступивший в России капитализм, эти способности Андрея, скорее всего, так и остались бы втуне – советскому человеку не нужно было умение остро мыслить и принимать мгновенные решения в условиях стремительно меняющейся ситуации. Новые времена востребовали таившийся в Теплицыне талант дельца. Востребовали, раскрыли, закаляли – и вознесли Андрея Федоровича едва ли не на самую вершину в избранной им сфере бизнеса.

Он многого достиг – очень многого: и денег, и славы. Потом, правда, сорвался с вершины, упал. Не потому, что в чем-то ошибся или не принял во внимание один из факторов в своей каждодневной игре. Просто проявил прекраснодушие. Думал о своих соратниках и противниках чуть лучше, чем они того заслуживали (еще одно наследие советской семьи и школы: изначально считать, что все люди вокруг – в принципе, неплохие ребята). А против него сыграли грязно, подло, безо всяких правил. Ему не простили, что он удачлив, хорош собой, богат и всегда на виду. И он чуть не грохнулся в пропасть.

Но, слава богу, остался жив. (А ведь все, с кем он начинал в ЦНТТМ, убиты, сидят или уехали.) И упал Теплицын не на самое дно. Не вынужден бежать и скрываться. У Андрея Федоровича остались деньги, осталось дело. Сохранились друзья и влияние. И он поднимется. Снова поднимется. Дайте только срок. Он будет умным и хитрым, как прежде, но при этом он еще станет куда более жестким. Теперь он не погнушается ударами из-за угла и запрещенными захватами. «С волками жить – по-волчьи выть». Жаль, он поздновато понял эту истину – только после того, как ему в кровь ободрало всю шкуру.

...Андрей Федорович недолго анализировал ситуацию, сложившуюся после того, как из сейфа Садовниковой похитили «объективку» на депутата Брячихина. Теплицын умел мыслить быстро, мгновенно принимал самые нестандартные решения и тут же их исполнял.

Сидя в своем кабинете – ноги на стол, он набрал номер телефона. Он звонил по прямому проводу депутату Брячихину.

– А, реклама! – приветливо откликнулся тот в трубке.

– Надо повидаться, – проговорил Теплицын.

– Сейчас гляну свое расписание, – по-деловому отреагировал Брячихин и зашуршал на другом конце провода страничками еженедельника.

* * *

В этот самый момент Валерий Петрович тоже перелистнул страницу своего блокнота. Таня украдкой глянула на часы. Уже почти четыре часа они сидели на кухне у Валерочки за разговорами, едой и чаем. Татьяна начала уставать.

– Я не могу понять, – слегка капризно протянула она, – ты берешься за это дело? Или просто так меня расспрашиваешь, из чистого любопытства?

– А как ты сама-то думаешь? – строго глянул на нее отчим поверх очков.

– Думаю, берешься.

Полковник Ходасевич покивал и вздохнул:

– Куда ж я от тебя-то денусь...

– Ура! – шепотом воскликнула она и подольстилась: – Теперь-то, я уверена, все будет хорошо.

– Не говори «гоп», – строго остановил ее Валерий Петрович. – Давай-ка лучше расскажи мне о твоих оставшихся подчиненных.

– По-моему, – вздохнула Таня, – эти двое оставшихся – самые безобидные. Парочка очень талантливая. И адекватная. И без всяких тараканов. Я им всегда самые сложные заказы отдаю. За ними, я считаю, – большое будущее.

– Хватит дифирамбов, – сухо промолвил отчим. – Пожалуйста, конкретней.

– Дизайнер Артем Пастухов и копирайтер Мишка Колпин, – вздохнула Татьяна. – Обоим по двадцать семь. Работают в паре уже года три. Они, между прочим, из всех моих сотрудников – самые высокооплачиваемые.

– Ты с кем-нибудь из них спала? – огорошил ее неожиданным вопросом отчим.

– Ну, Валерочка, у тебя и вопросыки!.. – Кровь прихлынула к ее лицу. – В стиле НКВД.

– Я прошу тебя ответить. – Ходасевич был спокоен, как танк.

«Обычные кагэбэшные штучки, – зло подумала она. – Внезапным вопросом выбить допрашиваемого из колеи. Ненавижу, когда Валера эти приемчики ко мне применяет!.. Впрочем, чего уж тут жаловаться: сама просила его помочь. Он и помогает: в меру своего умения и методов».

– Ни с кем из них я не спала, – ответила Татьяна тоном не то что ледяным, а скорее даже близким к абсолютному нулю.

– Но кто-то из них тебе нравится, – утвердительно проговорил отчим.

– Да! Нравится! – с вызовом ответила Татьяна. – Тема мне нравится. Он умный, толковый и добрый. И далеко пойдет. Но ничего у меня с ним не было.

– А почему? – спросил Валерий Петрович ласково, сочувствующе, по-отечески.

– Потому что это вообще не в моих правилах – смешивать работу с личным.

– Но если ты кого-то действительно полюбишь, – одновременно и прозорливо, и сочувственно заметил отчим, – никакая работа тебя не остановит.

– Ты прав, – усмехнулась Таня. Она никогда не могла долго злиться на Валеру и заговорила по-доброму, раздумчиво, доверительно: – Темка, конечно, хороший... Но он большой лентяй. По двадцать раз надо повторять, чтобы что-то делать начал. Он меня прямо из себя выводит...

– А почему его «творческая половина» не подгоняет? – Отчим продемонстрировал, что вполне усвоил рекламный сленг.

– Потому, что «половина» его, Мишка Колпин, сам работать умеет и может сутками за компьютером сидеть – но только если он в форме. А если нет – тогда все, пиши пропало...

– Не понял, – признался отчим.

– Ну, зашибает он...

– Срывы? Запой? – Отчим занес ручку над блокнотной страничкой.

– Да нет, так, алкоголик-любитель... В общем, оба они талантливы, но нуждаются в контроле. Ненадежные.

– За таким, как Артем, никогда не будешь как за каменной стеной, – кивнул отчим, будто мысли ее прочитал и договорил то, что она недосказала.

– Да, ты прав, – вздохнула она.

– А что у них с семьями?

– Оба холостые. Живут с родителями. С девушками, конечно, и тот и другой встречаются, но пока, как мне кажется, ничего серьезного нет.

– Пороки, страсти?

Таня пожала плечами.

– Ну, Мишка, я уже сказала, выпивает... В ночные клубы – оба ходят. Может, травку покуривают. В общем, ничего серьезного. – Она на секунду задумалась и с жаром произнесла: – Нет, Валера! Это не они. Если это вдруг они – значит, я совсем ничего не понимаю в людях.

– Верить людям, конечно, надо, – задумчиво пробормотал полковник Ходасевич, делая пометки в своем блокноте, – но всегда нужно уметь вовремя остановиться.

* * *

Во второй половине дня весь творческий отдел, включая секретаршу Наталью, отправился в столовую «Пятой власти» попить чаю с пирожными. Артем Пастухов в столовку не пошел. Остался в отделе, вызвался дежурить у телефонов – но никто не звонил.

Артем стоял у окна, задумчиво смотрел на летнюю улицу за окном. Редкие прохожие жались в тень, день превратился в по-настоящему жаркий. Автомобили пробирались по перелуку, сторожко огибая припаркованные машины.

Вдруг кто-то тихонько подошел к Артему сзади. Не успел тот обернуться, ему прокричали в самое ухо:

– А-а, Пастухов, сволочь! Скоммуниздил у начальницы секретный документик!!

Артем вздрогнул и обернулся. Сзади стоял ухмыляющийся Мишка Колпин.

– Кретин! – пробормотал Тема и замахнулся на товарища. – Что за идиотские шутки?!

* * *

Таня с отчимом закончили разговор только в семь. Полковник звал остаться на ужин – она категорически отказалась. И тогда Валерий Петрович скрепя сердце отпустил ее, напутствовав: «Будем надеяться на лучшее. Только я прошу тебя, Татьяна. Умоляю. Никуда не лезь. И ничего без согласования со мной не предпринимай».

Выглядел отчим бодрячком – как обычно, когда Таня обращалась к нему с какой-нибудь просьбой. Весь подтянулся, глаза засияли. «А ведь я ему жизнь продляю, – мимолетно подумала Татьяна. – Что бы он делал без меня и без моих поручений! Совсем бы протух, бедолага».

Сама же Таня, в отличие от полковника, чувствовала себя усталой и разбитой. Многочасовой разговор с отчимом (порой похожий на допрос) совершенно выбил ее из колеи.

На работу возвращаться смысла никакого не было. Домой ехать – значит, провести вечер в томительных раздумьях: кто да почему похитил документ? Татьяна на секунду задумалась – а потом расплылась в улыбке. Нет, слава создателю, хватит с нее одиноких, тусклых вечеров.

Она поедет к Максусу.

Как хорошо, что теперь у нее есть к кому ехать!

* * *

В свои двадцать семь Таня считала: может, ей и удастся выглядеть как принцесса, только вот в чем беда: принца-то все равно не найти. Принцев нынче не существует. Вымерли. Исчезли как вид. Остались где-то там – в двадцатом, а скорее даже в девятнадцатом веке.

– Ты просто слишком разборчивая, – упрекала ее мама. – Смотри, довыпендриваешься: будешь вековать в старых девах.

– Ах, мама, оставь, – отмахивалась Татьяна. – Лучше быть одной, чем с кем попало. Но от мамули так просто не отвяжешься.

– Как ты могла бросить Ванечку?! – упрекала Юлия Николаевна. – Он такой положительный, такой хозяйственный...

– У меня на хозяйственных аллергия, – фыркала дочь.

– А чем тебе Том не угодил? – вздыхала мама. – Богатый, красивый...

– ...занудный, – подхватывала дочь.

– У тебя все занудные! – взрывалась Юлия Николаевна. – А годы-то идут! Время уходит!

Биологические часы тикают.

– У меня ничего не тикает, – беспечно отмахивалась Таня.

Она старалась не принимать причитания мамми близко к сердцу, но все равно после таких разговоров у нее напрочь портилось настроение. Хорошо хоть отчим ее всегда понимал. Да и поддерживал – в том числе и когда она кавалерам отставку давала. С Томом она рассталась – один Валера и одобрил. И согласился с тем, что примерный, хозяйственный Ванечка бесшабашной падчерице тоже не пара.

– Не паникуй, Танюшка, – утешал ее толстяк. – Все у тебя будет.

– А когда? – вздыхала она. – Вон, мамми меня биологическими часами пугает.

– Не слушай ты ее, – успокаивал Валера. – У Юлии Николаевны, мамы твоей, подход родом из девятнадцатого века, полностью устаревший. А ты – девушка нового поколения. Ты и сама пока не хочешь замуж, ведь правда?

Таня задумывалась.

– Кто его знает... Свадьбу с фатой – вроде уже хочу. А жить с дураком – нет.

– Значит, живи, как живется, и между делом ищи себе умного, – резюмировал отчим.

И Таня изо всех сил пыталась. Жила и делала вид, будто пресловутые «биологические часы» ее абсолютно не волнуют. И при этом – постоянно оглядывалась в поисках достойного кандидата. Но картина, увы, выходила удручающей. Взять хотя бы коллег. Шеф, красавец и умница, давно и твердокаменно женат. Тема Пастухов, дизайнер, хоть и талантливый, но лентяй, каких свет не видывал. Его еще можно заставить нарисовать яркую картинку, но вот по жизни... Спровоцировать такого мужика гвоздь забить или отогнать машину на сервис будет совершенно нереально. Копирайтер Мишка Колпин – наоборот, по Некрасову, «до смерти работает». Но, опять же по классику, «до полусмерти пьет».

И так со всеми: кто страшенький, кто глупый, а кто и вовсе «голубенький»...

«Вот странно, – думала Таня. – Я – девушка практически без дефектов, взбалмошный характер не в счет. А мужчины вокруг все какие-то слабаки. Траченные молью, побитые жизнью... Вырождаются, что ли? Неужели мамми все-таки права и нужно понизить планку?! Смириться и выбрать себе кого попроще?!»

Но так не хочется! Как можно делить кров, обеденный стол и постель с тем, кого ты не уважаешь?!

И как вообще можно уважать мужчин! Вот, к примеру, ситуация, приключившаяся с месяц назад: поздняя ночь. Точнее, уже ближе к утру – три часа. Таня, тогда еще на «пёжике», возвращается с работы. Сил после очередного аврала – никаких. Греет единственная мысль: час назад, когда все коллеги (просьба заметить: сильный пол, мужчины!) уже дезертировали, именно ей (полу слабому!) в голову наконец-то пришла *идея*. Настоящая, гениальная. И вместе с ней – стойкое ощущение, что и начальник, Андрей Федорович, и даже заказчик, вредный придира, выслушают Танину придумку затаив дыхание. А потом восхищенно вздохнут и, может быть, даже заплодируют.

Но триумф придет только завтра, поздним утром. А сейчас, глухой ночью, когда даже бездомные собаки и гаишники куда-то попрятались, задача у Татьяны одна – быстро и без проблем добраться домой, из последних сил принять душ и прыгнуть в постель. И поэтому Таня,

как ни устала, вела машину очень внимательно. Никаких гонок по пустым улицам, никакого «проскочу на красный, все равно вокруг ни души». Озоровать на дороге можно, только когда кураж и полная легкость в теле. А если ты почти сутки просидела в офисе и в глаза будто песку насыпали, изволь ездить согласно тягомотному правилу: «Сэкономить минуту – потеряешь жизнь».

Вот Таня и плелась, словно чайница. Ремень безопасности пристегнут, скорость – не выше семидесяти. И даже когда нужно было повернуть налево – на абсолютно пустой дороге, – она покорно остановилась на красный свет и стала ждать зеленой поворотной стрелочки. Скучала, зевала – но ждала. И – вот проклятая усталость! – слишком поздно заметила, что сзади на огромной скорости несется джип...

Будь Таня в форме, с ее-то опытом и быстрой реакцией она бы обязательно что-нибудь придумала. Но, увы, в три часа ночи она оказалась не способной на мгновенные решения. Джип ее все-таки не раздавил, успел вывернуть на встречу и объехать «пёжика». Однако по двери, крылу и бамперу своей тушей скребанул. И, не останавливаясь, помчался дальше, навстречу новым ночным подлостям...

– Козел! – выкрикнула Таня типовое водительское ругательство.

А что самое обидное – в соседнем ряду как раз проезжала «Шкода». За рулем – молодой мужчина, с виду – сильный и благородный. Такого увидишь – и не усомнишься: всегда спасет, всегда поможет. Только современные мужики, как бы они ни выглядели, в экстремальной ситуации ведут себя обычно трусливо и подло. И водитель «Шкоды», хоть и успел, кажется, заметить всю диспозицию – что джип самым наглым образом обидел беззащитную девушку, – останавливаться не стал. Прибавил газу и, будто так и надо, порулил дальше. Ну и кто такие мужики после этого – разве не сволочи!

Что теперь делать? Мчаться за подлым джипом?

Бесполезно, слишком разные весовые категории. Крошечный «пёжик» и огромный «корабль пустыни» с движком в пять литров. Хрупкая девушка – и три лба, которые, как заметила Таня, сидели в протаранившей ее машине. Просто расплакаться и поехать на покоренном «пёжике» дальше, домой? Не ее стиль. Остается одно – вызывать гаишников. Пусть оформляют аварию и объявляют джип в план «Перехват». Хотя бы шанс остается, что негодяев поймают и прищучат. Да и страховка, которую заплатят за «пёжика», тоже не помешает. Одна беда: номера у джипа были такие грязные, что Таня только две цифры и разглядела: «0» и «5». И код региона: Москва, девяносто девятый. Ну, ничего, сколько заметила – столько заметила. А остальное – работа гаишников.

Таня включила аварийку, достала мобильник и набрала «ноль два». Сонная операторша неохотно пообещала, что наряд подъедет, и велела место аварии не покидать.

– Ага, чтобы в меня еще кто-нибудь въехал, – пробурчала злая Татьяна.

– Согласно ПДД, вы должны иметь в автомобиле знак аварийной остановки, – отбрила ее телефонная девушка.

– Спасибо, что напомнили, – едко поблагодарила Таня.

Положила трубку и выставила на дорогу не только знак, но и канистру плюс два ярких пакета из супермаркета: пусть ее будет видно издалека. Береженого бог бережет. Хотя сегодня, как ни страховалась, господь не уберет ее любимую машинку...

Таня нежно погладила «пёжика» по раненому боку и прошептала:

– Тебе больно, маленький? Не переживай, я тебя вылечу!

Она еле сдерживалась, чтобы не заплакать. Ну что за жизнь у нее такая нескладная?! На улице – ночь, а она – одна на пустой, неприветливой дороге, и «пёжика» обидели, и даже позвонить-поплакаться некому... Не будешь же из-за такой ерунды напрягать отчима? Или, допустим, Димку Полуянова, или Пашку Синичкина...

Хорошо хоть гаишники подъехали быстро и вели себя по-человечески. Один – расспрашивал Таню, второй – осматривал машину и записывал в протокол повреждения, а третий – объявлял всем постам координаты джипа-нарушителя: «Попробуем, конечно, поискать, хотя шансов немного. Вот если бы вы номер целиком запомнили!»

И в этот момент... Таня, не веря, аж глазами захлопала: глюки, что ли, начались от переживаний и усталости? – со встречной полосы, наплевав на все правила, к месту аварии подъехала «Шкода». Та самая, синяя, с благородным на вид водителем – который так неблагородно удрал, бросив Таню одну.

Гаишники, крутившиеся вокруг «пёжика», тут же приняли боевую стойку.

– Это еще что за фокусы? – зловеще произнес усталый капитан.

А молоденький лейтенант радостно потер руки и воскликнул:

– Нарывается дядя!

– Это... это... – замялась Таня.

И в тот момент из «Шкоды» выпрыгнул мужчина и, возбужденно жестикулируя, кинулся к гаишникам. Выкрикнул:

– Я засек его! Он у ресторана «Вешняки» припарковался!

– Ваши документы, – невпопад потребовал лейтенант.

– Вы... догнали тот джип? – поняла и просияла Татьяна.

– Сначала гнался, чтобы просто номер рассмотреть. Рассмотрел: А 055 ОО 99. А потом решил: чем черт не шутит, вдруг они сейчас остановятся?! И, как видите, не ошибся, – подбоченился водитель «Шкоды».

– Это свидетель, – объяснила гаишникам Таня. – Он видел, как джип меня протаранил.

– Так, давайте подробней, – приказал гаишный капитан. – И под протокол.

– Да их брать нужно, а вам – протокол! – возмутился Танин добровольный помощник. – Уедут ведь! Ресторан «Вешняки», это отсюда два шага... Быстрее, поехали!

– Ладно, проверим, – неохотно откликнулся капитан.

А Таня взглянула в глаза водителю «Шкоды» (глаза оказались зелеными, с веселыми искорками) и тихо сказала:

– Вот уж не ожидала... Спасибо.

Тот усмехнулся и вдруг спросил:

– Я знаете, о чем сейчас подумал?

– О том, какой вы молодец, – подольстилась Татьяна.

– Не угадали, – улыбнулся хозяин «Шкоды». – Совсем другая и очень странная мысль – что мы будем отвечать, если нас когда-нибудь спросят: где вы познакомились?

– Отвечайте, что на ночной дороге, – ухмыльнулась Садовникова. И подумала: вот интересная метаморфоза с ней происходит! Только что казалось, что ни капельки сил не осталось, хоть падай прямо на асфальт и спи. А сейчас всей накопившейся усталости как не бывало. И она снова улыбнулась «шкоднику»: – На самом-то деле мы пока и не познакомились...

Он протянул руку:

– Меня зовут Макс Мезенцев.

– А я – Таня. Таня Садовникова.

* * *

Вот так «пёжик» напоследок сделал еще одно доброе дело: познакомил Татьяну с героем ее романа. Хотя... Макс, конечно, не совсем герой. И «романом» их отношения, пожалуй, не назовешь. Скорее дружбой с элементами добротного секса.

На роль принца Макс, безусловно, не тянул. Во внешности – ничего царского, родовых поместий и фамильных сокровищ не имеется, вместо «Мерседеса» (современного белого коня)

– скучная «Шкода». Работа – тоже самая обычная: торгует холодильниками и прочей бытовой техникой – крупный опт, мелкий опт – дело, безусловно, нужное, но тоскливое до кошмара. И даже – о ужас! – ни единой аристократической привычки. В теннис Макс не играл, на горных лыжах не катался, сигар не курил и хобби имел совершенно дурацкие: обожал копаться в машинах (дикий примитив!), решать шахматные этюды (полная тоска!) и разгадывать кроссворды (типичное развлечение обывателя). В общем, ни капельки не похож на ее прежних поклонников – ярких, неординарных, но – отставленных.

Но именно с Максом Тане на данный момент было хорошо, как ни с кем. Хорошо, потому что с ним – спокойно и надежно. И потому, что на него можно положиться – как в той истории, когда ее протаранил джип и Макс кинулся на выручку. Ну и, помимо этого, в нем еще целый набор редких для современных мужчин качеств. Таня (она любила подо все подводить научную основу) даже список составила: *веселый, неглупый, по-хорошему наивный, нормально образованный и неплохо обеспеченный*. И еще одна, очень важная, деталь: Макс всегда готов тебя выслушать. Не просто так, для отвода глаз – когда мужики сочувственно кивают, а на самом деле думают о своем, – а он действительно проникается твоими проблемами. Если речь идет о сломанном ногте – Макс сочувствует, если Таня жалуется на разногласия с коллегами – советует, как разрегулировать ситуацию, а если у нее, скажем, «пёжик» не заводится или кран потек – Макс, как бы ни был занят, приедет и починит. Не всякий даже, между прочим, принц будет настолько всерьез принимать твои заморочки.

Так что и гадать не надо, куда ей ехать вечером в понедельник – когда срочно понадобилось пожаловаться на жизнь!

Едва выйдя от отчима, Таня достала мобильник и нажала клавишу быстрого набора. (Макс шел у нее под третьим номером. Впереди были только мама и Валерочка. Сзади – Синичкин, Полуянов и тем более все подруги.) Когда Макс ответил, она требовательно спросила:

– Ты дома?

– Ой, Танечка, – обрадовался Макс. – Ну-ка, скажи мне: стихотворное послание трубадуров, семь букв, четвертая – «ц».

Вот так: два мира, два образа жизни. У кого-то – жизнь рушится, а у другого самая насущная проблема – кроссворд разгадать.

– Канцона, – отрезала Татьяна. И предупредила: – Я сейчас к тебе приеду. Только готовься: у меня тут – полная канцона. В смысле – конец. Капут. Аллес.

Тон Макса сразу изменился. Таня с удовольствием услышала шелест – это полетела на пол газета с кроссвордом – и тревожные нотки в его голосе:

– Можешь рассказать, что случилось?

– Могу. При личной встрече. Ну, все, выезжаю.

– Подожди, – не отставал Макс. – У тебя такой голос... Лучше я за тобой приеду.

– Не надо, – отказалась Таня. – Мне машина нервы успокаивает. Буду минут через двадцать.

– Только осторожненько, ладно? – попросил Макс.

– Вот затрепыхался, – пробурчала Таня. – Тоже мне, квочка-наседка!

– Не ершись! – беззлобно одернул Макс. – Я просто прошу тебя не гнать, вот и все. Давай, жду. Разогреваю пиццу.

Таня положила трубку и впервые за этот долгий день улыбнулась. Как приятно, когда хоть кто-то не говорит с тобой о делах и не устраивает разборки. А просто ждет тебя и греет к твоему приходу элементарную замороженную пиццу.

* * *

Макса можно любить за одну улыбку – неширокую, одними глазами, но такую теплую. Она как море в солнечный день – в ней слепящая синева, искорки волн, нежная пена прибоя...

К улыбкам мужчин Таня обычно относилась недоверчиво. Она судила по себе: ведь очень часто сама улыбалась не от души, а с умыслом. Когда, например, нужно, чтобы гаишник не отобрал права. Или если хотела усыпить бдительность несговорчивого оппонента по сложным переговорам... Так и с мужчинами – чем искреннее они тебе улыбаются, тем больше оснований держать ухо востро: мало ли что скрывается за чарующим, беззаботным оскалом? Ладно, если тебя хотят примитивно в койку затащить – а если у мужика другой умысел? Взять, например, Димку Полуянова. Таня его уже давно раскусила: раз сияет в тридцать два зуба, значит, денег в долг попросит. А шеф, Андрей Федорович, ярче всего улыбается перед тем, как устроить подчиненным грандиозный втык.

И только Макс – проверено неоднократно – никаких личных корыстных целей своей улыбкой не преследует. Таня часто приставала:

– Чего ты светишься? О чем-то приятном подумал?

Максим недоумевал:

– Приятном? А что у нас приятного?..

– Вот и я говорю, – подхватывала Таня. – На улице дождь, на работе у тебя, сам рассказывал, – завал, и в ресторане нас с тобой сейчас чуть не отравили... Ну, и чему улыбаться?

– Тебя это раздражает? – не понимал Макс.

– Конечно, – бурчала она. – На душе кошки скребут, а ты сияешь, как медный пяточок.

– Хорошо, я буду грустным, – покорно соглашался он. Пытался спрятать улыбку, хмурил брови – но, конечно, не удерживался: тут же фыркал и начинал сиять пуше прежнего.

– Ты как младенец, – пожимала плечами Таня. – Только они ржут без причины.

– А ты откуда знаешь про младенцев?

– Мама рассказывала.

– Ах, мама! – беззаботно откликнулся Макс и тянулся к Тане с поцелуями.

Она делала вид, что рассержена и отворачивается, – а на самом деле едва сдерживалась, чтобы не встать на цыпочки и не поцеловать Макса в беззаботный, смеющийся глаз...

Вот и сегодня – Макс распахнул дверь и немедленно затопил Татьяну своей фирменной улыбкой. И она – уж насколько не в духе была! – не удержалась, растянула губы в ответной гримаске.

– Улыбаешься. Уже хорошо, – похвалил Макс.

Он ласково обнял Таню за плечи, провел в квартиру, усадил на пуфик разуваться.

– Проходи, рыбка моя золотая!

И ни вопроса о том, что случилось: изучил уже Танин характер. Знает, что она терпеть не может, когда на нее с порога набрасываются с расспросами.

– Пицца готова, вино охлаждается. На кухне поедим или в комнате?

Тоже грамотно предложил – чтобы Таня сама выбирала. Если ужинать в кухне, где нет ни телика, ни DVD-проигрывателя, – значит, обсуждать ее проблемы они начнут прямо за едой. Но можно уйти в гостиную, спокойно, под бормотание телевизора, съесть пиццу, а к неприятному разговору вернуться за чаем.

– Сначала поедим. Можно на кухне, но без расспросов. Потом будешь меня жалеть. Ну а после, может, я тебе все и расскажу, – ворчливо сказала Таня.

И подумала: «Все-таки я нахалка! Чем больше Макс со мной носится, тем больше я наглею!» Но, с другой стороны, как не наглеть, если Макс – безотказный? Что ни попроси – мас-

саж, кинопремьеру или суси в два часа ночи – все будет. И на ворчливый тон вкупе с командными нотками Макс никогда не обижается. Вот и сейчас спокойно сказал:

– Ну, тогда пошли в кухню! Совместим два в одном: я и кормить тебя буду, и жалеть.

Стол уже был накрыт – по мужским меркам, вполне пристойно: и тарелки стоят, и ножи с вилками лежат. Шпроты, правда, остались в консервной банке, зато жестянка красуется на фарфоровом блюде. Макс даже про хлеб не забыл – нарезал целую гору толстых ломтей, будто взвод оголодавших солдат собрался кормить, а сверху хлебной кучи поместил украшение – веточку петрушки.

Таня вновь не удержалась от улыбки. Цапнула петрушку, отправила ее в рот, проворковала:

– Какой ты смешной!

– Ну, вот. Разрушила всю композицию, – упрекнул ее Макс.

Он обвязался фартуком и взялся нарезать пиццу. Задача оказалась непростой: то маслина под нож попадет и разлетится, словно детская бомбочка, то сыр не слушается – вместо того чтоб резаться, расслаивается на сопли-тянучки.

– Горе ты мое, – вздохнула Таня.

Отобрала у Макса нож и порубила пиццу сама.

– Пицца – высший класс. Я ее своими руками улучшил, – похвастался Максим. – Долил кетчупа, побросал соленых огурчиков...

Таня только руками развела:

– Ну, ты даешь! Пицца-то – с тунцом!

– Ну и что? – не понял Макс.

– Тунец и соленые огурцы, сам подумай! Они ведь не сочетаются!

– А ты попробуй! Пальчики оближешь! – продолжал хорохориться он.

Таня пожала плечами и попробовала. М-да, вкус более чем странный. Смесь соленого с очень соленным... Но вообще-то в таком сочетании что-то есть...

– Ну, как? – нетерпеливо спросил Макс.

– Полный экстрим.

Он подмигнул ей:

– Но ты же любишь экстрим!

Таня проглотила еще один кусочек. Нет, соленое дико! А от кисло-сладкого кетчупа аж скулы сводит...

Как сговорились сегодня мужики! Отчим ее острым цыпленком по-каталонски потчевал, сердечный друг экстремальной пиццей травит. И, нахал самонадеянный, кажется, ждет, что Таня начнет осыпать его стряпню комплиментами!

Она уже открыла рот, чтобы сказать Макс: «Нет, милый, на шеф-повара ты не тянешь...»

Но – промолчала. Потому что вдруг поняла: за болтовней, за дегустацией Максовой пиццы, за жаром, которым охватило рот, проблема с похищением документа как-то отступила, стерлась, смикшировалась... И жизнь уже не казалась такой ужасной, как утром – когда Таня по просьбе Теплицына открыла сейф, или днем – когда Валера пытал ее своими допросами...

– Прорвемся! – вдруг невпопад вырвалось у нее.

Макс ее реплике не удивился. Наоборот, воспринял как должное и кивнул:

– Конечно, Танечка, прорвемся!

– Я этим гадам такое устрою! – продолжала она.

– Устроишь, – вновь согласился он.

– Сгною. Уничтожу. Разорву в клочья! – все больше распалялась Татьяна.

Макс только улыбался и кивал. А когда Танин запал наконец кончился, спросил:

– А что хоть случилось?

И тогда Таня с облегчением отставила кисло-острую пищу и второй раз за сегодняшний день рассказала о своих неприятностях.

Макс слушал ее молча – только кивал. Никаких комментариев не делал, но его фирменная улыбка на глазах угасала...

– Ну, вот и все, – закончила Таня. И потребовала: – Что скажешь?

Вместо ответа Макс вышел из-за стола, обнял ее, ласково встрепал волосы... Таня с наслаждением прижалась к его сильному торсу, отдалась во власть крепких и одновременно бережных рук. Сидеть бы так бесконечно! Но, собрав волю в кулак, она выбралась из его объятий и попросила:

– Нет, ты меня пока не жалей. Давай сначала разберемся. Скажи мне, что ты обо всем этом думаешь?

На вопрос Макс ответил вопросом:

– А что говорит Валерий Петрович? Ты ведь к нему уже ездила?

И опять Таня поразилась: насколько Макс ее хорошо знает. Сразу же догадался, что первым делом она помчалась за советом к Валерочке.

– Да ездила, конечно, – поморщилась Таня. – И говорит он, что ситуёвина – плачевная.

– Преувеличивает, – не согласился Макс.

– Ага, преувеличивает! – взорвалась Татьяна. – Ты хоть представляешь, что будет, когда Брячихин все узнает?!

– А какие у Валерия Петровича мысли? Кого он подозревает?

– Всех, – поморщилась Таня. – Весь мой отдел. И шефа тоже. Хотя шеф-то при чем? Ты бы видел его физию, когда я сейф открыла! Его чуть инсульт не хватил!

Макс задумался. Таня терпеливо ждала. Она уже изучила: мозги у Макса работают непредсказуемо. На первый взгляд его идеи кажутся полным бредом. А потом понимаешь, что истина – это именно то, что сначала казалось полным идиотизмом...

– Как ты сама думаешь: зачем документ украли? – неожиданно спросил Макс.

– Продать конкурентам, – без запинки ответила Таня.

– Валерий Петрович с тобой согласен?

– Не вполне. Он говорит так: зачем красть, если можно просто снять копию?

– Умно, – оценил Макс. – Хотя в некоторых случаях оригинал ценится дороже, чем копия.

– А еще Валера считает, что украсть могли и по другой причине.

– По какой?

– Для того, чтобы кого-то подставить.

Макс пожал плечами.

– Подставить? Кого?

– Меня.

– Таким вот образом? По-моему, слишком сложно.

– По-моему, тоже, – согласилась Таня.

– Ну, вот. Мы с тобой одинаково мыслим. Нет, думаю, документ украли *ради документа*, а не ради подставы. А почему ты решила, что Теплицын здесь ни при чем?

– Но ему-то зачем?! Он столько сил положил, чтоб этот заказ хапнуть!

– А вот смотри. – По тому, как загорелись Максовы глаза, Таня поняла: сейчас он озвучит одну из своих идей – из тех, что на первый взгляд выглядят полной ерундой, а на проверку зачастую оказываются верными. – Ваш Теплицын получил заказ на раскрутку Брячихина, так? Брячихин ему кто – сват, брат, друг?

– Да вроде нет, – неуверенно ответила Таня. – Никакой особой дружбы. Просто клиент.

– Ну, вот и давай рассуждать. Кто у этого Брячихина основной оппонент?

Таня смутилась:

– Я... я даже не знаю. Мы ведь к этому заказу еще не приступали... Да и вообще я в политике не очень...

– А я тебе скажу: фамилия его оппонента – Прокудин.

– Да? – удивилась Таня. – А откуда ты знаешь?

– А я все на свете знаю... Вот и представь комбинацию: допустим, конкурент Брячихина, этот Прокудин, узнал про существование «объективки». И про то, что она хранится в вашем агентстве. А ему, кровь из носу, нужно эту «объективку» получить и Брячихина скомпрометировать. Ну, и как он поступит?

– Попробует подкупить кого-то из наших сотрудников. Меня, например. Или кого-то из моих подчиненных.

– Ответ неверный, – покачал головой Макс. – Ты исходишь из того, что конкурент Брячихина *знает* о том, что документ хранится именно в твоём сейфе и к этому сейфу может подобраться любой из твоих сотрудников...

– Ну, это элементарно, – возразила Таня. – Он подкупает кого-то из наших – и тот ему все выкладывает.

– А я бы на его месте поступил по-другому. Зачем работать с «шестерками», если можно договориться с главным? Зачем *подкупать по мелочи*, если можно просто *купить оптом*?

– Хотя бы потому, что это будет дороже, – не согласилась Таня.

– Не факт. Я, конечно, не уверен, пойдет ли на такое Прокудин. Но я знаю вашего Теплицына, а он тот еще жук, своей выгоды никогда не упустит. И я, Танечка, совсем не исключаю, что Теплицыну куда выгодней не раскручивать Брячихина, а *продать* его.

– Но зачем же он тогда взялся за этот заказ?!

– А вот затем и взялся. Чтобы устроить Брячихину собеседование с психологом и составить этот злосчастный психопортрет. А потом продать его конкурентам.

– Но почему бы ему просто не сделать копию? Брячихин, может, ни о чем бы и не узнал!

– Я же тебе говорил: в некоторых случаях подлинник ценится дороже.

– По-моему, слишком сложно, – по-прежнему не соглашалась Таня.

– А ты все-таки узнай, в каких отношениях Прокудин пребывает с твоим Андреем Федоровичем, – посоветовал Макс.

– Ладно, – неохотно согласилась Таня. – Узнавать я, конечно, ничего не буду, но Валерочке твою версию расскажу. Пусть он проверит.

Внезапно она почувствовала, как устала. Ведь целый день ее терзают. Сначала шеф орал. Потом Валерочка мучил многочасовыми расспросами. А теперь еще и Макс строит версии и совсем ее не жалеет... На глаза навернулись слезы.

Макс, умница, тут же уловил ее настроение, и сыщицкий блеск в его глазах мгновенно погас. Он встал, снова обнял Татьяну, снова дал ей уткнуться в свою грудь... И тихо сказал:

– Я не прав, Таня.

– Почему? – прошептала она.

– Потому что не о том мы с тобой говорим...

Он бережно подхватил ее на руки.

– Пойдем, моя девочка, я тебя уложу! И посижу рядом, и буду жалеть...

Таня благодарно потерлась щекой о его подбородок и промурлыкала:

– А можно, ты будешь меня не просто *жалеть*?

Ее губы нащупали его рот, накинулись на него – жадно, яростно, словно в последний раз. Макс ответил на ее поцелуй, и Таня, проваливаясь в иступление страсти, подумала: «Да плевать я хотела на этих Теплицыных и Брячихиных! Даже думать о них не хочу!»

Вторник, утро.

Таня

Ночь с Максом была, как всегда, хороша. Раннее утро тоже прошло роскошно: кофе в постель, теплые булочки, ласковые слова, жаркие поцелуи... А после завтрака Макс исполнил любимый Танин каприз: расчесал ей волосы – нежно, но качественно, будто парикмахер из самого что ни на есть элитного салона. Одна беда: заехать домой и переодеться Таня уже не успевала, потому пришлось следовать в офис во вчерашней одежде. Моветон, конечно, появляться в одном и том же два дня подряд, а что поделаешь? Максовы рубашки ей безнадежно велики и годятся только в качестве халатов, а запасного гардероба Таня в квартире любовника не оставляла. Держать свои вещи у мужчины – прямой путь попасть в зависимость, а Таня зависеть ни от кого не хотела – даже от лапочки Макса.

«Наташка наверняка съязвит, что я во всем вчерашнем... И Темка, сто пудов, спросит между делом, но лукаво-лукаво: «Изволили дома не ночевать, Татьяна Валерьевна?» Да и Теплицын тоже заметит, он всегда замечает, как я одета... Ну и ладно. Отшучусь-отобьюсь».

...Только шутить с Татьяной никто сегодня не стал. В «Пятой власти» ее встретили холодно. Охранник на входе, противу обычая, даже не улыбнулся и, словно видит Таню впервые, потребовал пропуск. Андрей Федорович, с которым они столкнулись в коридоре, посмотрел мимо нее и поздоровался сквозь зубы. А Мишка Колпин наоборот: глазел с любопытством и предвкушением во взоре... Так, наверное, коллекционер бабочек смотрит, когда готовится наколоть на булавку очередной экземпляр.

«Ведут себя, будто у меня гонконгский грипп», – злилась Садовникова.

Не нужно быть Кассандрой, чтобы понять: *слушок* по агентству уже пошел. Ясно, что деталей никто не знает, но *суть* очевидна: госпожа творческий директор (вызывающе успешная, неприлично красивая, чересчур самоуверенная) наконец-то села в лужу.

Даже Наташка – уж ее-то профессия обязывает быть всегда невозмутимой! – и та не удержалась в рамках бесстрастности. Едва Таня на порог, как секретарша – никогда, кстати, не вставала при ее появлении! – вскочила, стушевалась, залепетала:

– Здравствуйте, Татьяна Валерьевна... рада вас видеть... может, что-нибудь нужно?

– Как обычно: кофе и список звонков, – буркнула Татьяна, проходя в кабинет.

Мед и участие в голосе секретарши ранили ее больней, чем неприкрытая холодность Теплицына.

Таня вошла в когда-то любимый кожаный кабинет, автоматически выполнила ежеутренний ритуал: включила компьютер, достала из сумки ежедневник, открыла на страничке со списком сегодняшних дел... и поняла, что работа – такая привычная и интересная – этим утром ее совершенно не волнует. И ей абсолютно наплевать, что новая сеть сотовой связи именно сегодня обещала дать ответ – согласны ли они заказать рекламу в «Пятой власти». И как идет работа над макетом по новой марке печенья – ей тоже неинтересно. А уж думать про то, каким образом уболтать несговорчивых клиентов с колбасного завода, которые зарубили уже третью рекламную концепцию, она и вовсе не в состоянии...

«Не до работы сейчас. Значит, и нечего организм зря насиловать», – постановила Таня и захлопнула еженедельник.

Тут как раз и Наталья явилась с кофейным подносиком. Таня не преминула отметить, что чашка и сахарница отмыты до блеска и выстроены, противу традиции, в идеальном порядке, а в вазочке лежат ее любимые конфеты.

«Жалеет меня Наташка, – поняла Таня. – Хочет хоть чем-то порадовать». И от этой мысли ей стало еще грустней.

Наталья поставила поднос на Татьянин стол – опять же, против правил, без обычного грохота о полированную поверхность и звона посуды – и начала:

– Звонили из сотовой связи, говорят, что...

– Потом, – перебила Таня. И кивнула на гостевой стул: – Садись, поболтаем.

Наташка ее приказание не выполнила. Стоит перед столом, хлопает глазами и явно удивляется: как это начальницу не интересует, что сказали потенциальные клиенты-сотовики, у которых рекламный бюджет – под миллион долларов?!

– Потом все расскажешь, – повторила Таня. – Садись.

Она отхлебнула кофе. Напиток – даже в божественном Наташкином исполнении – оказался ей горьким. Таня поморщилась.

– Что не так? – тут же заволновалась секретарша.

– Все так, – отмахнулась Таня, бросая в чашку дополнительный кусок сахара. – Не трепыхайся. Надо поговорить.

– Поговорить? – Наталья взметнула выщипанные в струнку брови. – Так я ж и пытаюсь рассказать, вот, из сотовой связи звонили...

– Ох, Наташка, не умеешь ты прикидываться, – вздохнула Таня. Вышла из-за своего стола, поманила секретаршу в уютные гостевые кресла – отчим не раз замечал: чтобы разговаривать человека, его сначала надо расслабить.

– В общем, сотовики сказали, что берут тайм-аут и будут думать еще. – Наталье все-таки удалось закончить мысль.

– Пусть думают, – небрежно бросила Таня.

В рекламном бизнесе фраза «мы берем тайм-аут» – эвфемизм отказа, и Тане это было совершенно ясно, однако расстраиваться еще и по этому поводу сил совершенно не осталось.

Наташка внимательно посмотрела Тане в лицо (Садовникова пыталась выглядеть бесстрастной) и с деланным оптимизмом выпалила:

– Мы их еще зацепим! Гарантирую, Татьяна Валерьевна!

– Возможно, – равнодушно кивнула та. И в третий раз, уже с трудом сдерживаясь, кивнула на гостевое кресло: – Ну, ты сядешь, наконец, или нет?

Наташка с опаской села (впрочем, хотя и посматривала на Таню испуганными глазами, а изящно скрестить ноги в новых туфельках не забыла).

Таня обновку, разумеется, заметила и немедленно похвалила:

– Отличные шузики! Сержио Росси?

– Увы, – вздохнула секретарша. – В Росси не влезаю, они ж узкие, будто их на графинь шьют! А у меня стопа крестьянская, мне б что попроще...

– «Босс», например, – подхватила Татьяна (уже успела разглядеть выбитый на каблуке лейбл). – Кучеряво живешь, Наталья батьковна!

– Да у них распродажа была, скидки – бешеные, – забормотала секретарша.

А Таня подумала: «Странная у нас, в России, психология... Покупают люди дорогие обновки, но никто не признается, сколько они на самом деле стоят. Цена варьируется в зависимости от того, кто твой собеседник. Для начальницы – «туфли с распродажи», соседке-пенсионерке вообще врешь, что с рынка, зато уж подружкам или бывшим одноклассницам называешь такую цену, чтобы у них глаза от зависти сразу на лоб полезли...»

Впрочем, не та сейчас ситуация, чтобы размышлять об особенностях национального мышления. И не время ждать «подколки» по поводу того, что она сама явилась на работу во вчерашнем наряде: Наташка дрожит, как осенний лист после проливного дождя, ей явно не до шпилек. Интересно, почему она так волнуется?

Таня задушевно спросила:

– Наташ, а ты уже в курсе, что у нас в агентстве – форс-мажорные обстоятельства?

– Это вы про документ, что ли? – тут же откликнулась секретарша.

– Про документ? – Таня сделала вид, что не понимает.

– Ну, который из вашего сейфа сперли, – со знанием дела уточнила Наталья.

«Ага. Значит, уже не абстрактный *слух*. А вполне достоверная информация».

– И что же это был за документ? – продолжала прикидываться Таня.

Наташка посмотрела на нее с удивлением:

– Ну, тот, дико секретный.

– Какой именно? – невинно спросила Таня.

– А их что, сразу несколько украли?! – тут же вскинулась секретарша. – Что за документы-то, хоть намекните!

Таня только плечами пожала и подвела итог:

– Значит, насчет пропажи ты в курсе.

– Так только глухой не в курсе! – воскликнула секретарша. И уточнила: – В смысле наш отдел. Полька. Родик. Тема. Мишка. Ну, и я.

– А откуда узнали-то? – Таня хоть и гордилась собственным аналитическим умом, но до сих пор не понимала.

– Ну, во-первых, мы не глухие, – с очаровательной непосредственностью изрекла Наталья. – А во-вторых, мы же все вчера к шефу на ковер ходили! Он нам такой допрос-разнос устроил!

– Вот как... – протянула Татьяна.

Значит, Андрей Федорович решил заняться самодеятельностью. Поиграть в инспектора Лестрейда (на Холмса или даже на Ватсона шеф, при всей его красоте и деловой хватке, на Танин взгляд, не тянул). Что ж, он – начальник, имеет право. Но только чего Теплицын добился? Судя по ледяному взгляду, которым он наградил Татьяну на входе в агентство, никаких отрадных результатов достичь не удалось и поиски похитителя не продвинулись ни на дюйм. Зато теперь, как верно заметила Наталья, только глухой не знает, что из сейфа «Пятой власти» пропадают строго конфиденциальные документы. И весьма вероятно, что сия нелицеприятная новость скоро выплеснется из «аквариума» их агентства, пойдет гулять по всей столичной рекламной тусовке. Как бы до самого Брячихина и его команды не дошло...

– И о чем же вас шеф спрашивал? – Таня постаралась, чтобы вопрос звучал словно бы между делом, будто они продолжают о тужельках говорить.

– А, ерунда. В комиссара полиции играл! – отмахнулась Наталья. – Во сколько ушли, во сколько пришли, чего подозрительного видели...

– Ну а вы что?

– А что мы? Мы потом все обсудили. Никто ничего не видел, идей, подозрений, конструктивных мыслей не имеется.

Наташка, кажется, приготовилась рассказывать: кто в ту злосчастную пятницу (последний день, когда документ еще точно лежал в Танином сейфе) уходил с работы последним. Но... Садовникова знала от отчима еще одно правило допросов: постоянно и неожиданно менять темы, – поэтому спросила совсем о другом:

– Слушай, а как у Полинки с ее ненаглядным? Все наладилось?

– Ой, вы знаете?! – опешила Наташа.

Таня небрежно пожала плечами:

– Конечно.

На самом деле она не знала ничего. Просто однажды, когда меняла в туалетной кабинке «поехавшие» колготки, случайно услышала, как всегда сдержанная Полина яростно шипит – судя по всему, в трубку мобильного: «Чмо! Куроед! Слизень!» Таня тогда еще оценила богатый

словарный запас подчиненной, а одно из словечек даже использовала в рекламном девизе для кошачьего корма: «Я – котенок-куроед, «Муркас» – лучший мой обед».

– Так помирились они? – уточнила Татьяна.

– Не-а. Разбежались, – вздохнула Наташка. И, хотя Таня больше ни о чем и не спрашивала, уточнила: – Хахаль Полинкин – сволочь еще та. Хотел, чтобы она квартиру свою заложила. Бизнес ему, видите ли, приспичило открывать, стартовый капитал понадобился.

– Ну а что Полинка? – живо поинтересовалась Татьяна.

– Полинка – молодец, – похвалила Наталья. – Сказала, чтоб искал капитал в другом месте. – И с легким, чисто женским злорадством добавила: – Ну, он и ушел от нее. Другую ищет. Может, и нашел уже. А Полина плачет и антидепрессанты пьет. Ой, Татьяна Валерьевна, только это между нами!

– А что плохого в антидепрессантах? – пожала плечами Таня. – Вон вся Америка на них сидит.

Она уже с неделю как подметила, что соображать Полинка стала гораздо туже, однако списала ее мозговой застой на творческий кризис, у любого рекламиста бывает. А причина, оказывается, в личной драме и сильнодействующих таблетках...

– Я ей предложу в отпуск съездить, – пообещала Таня. – Пусть махнет куда-нибудь... в Испанию или на острова.

– Она хотела в какую-то хипповскую деревню смотаться. Где-то в Голландии, что ли... – сообщила Наталья.

– В общем, пусть едет, куда захочет, – подвела итог Садовникова.

И, пользуясь тем, что Наташка смотрит на нее влюбленными глазами (типа: «клевая у меня шефиня, все понимает и реагирует как надо!»), задала следующий, опять неожиданный вопрос:

– Слушай, а вы, когда все обсуждали... не выяснили: кто-нибудь из наших в выходные на работу выходил?

Наташка сразу помрачнела, пробурчала:

– Тоже, значит, допрашиваете, Татьяна Валерьевна...

– Наташ, да не допрашиваю я тебя! – Тане сроду не приходилось разговаривать с собственной секретаршей столь заискивающим тоном. – Просто вора хочу найти! И шкуру свою спасти: документ-то – на мне висит!

– Ну, допустим, кое-кто в воскресенье на работу и выходил! – с вызовом сказала Наталья. – И что теперь? Сразу в преступники записывать?!

– Да никто никуда никого не записывает, – успокаивающе сказала Таня. – И ничего это, по большому счету, не значит. Просто так спрашиваю, чтобы полная картина была...

– Я в субботу приходила, – буркнула Наташка. – С двенадцати двадцати до четырнадцати ноль-ноль, на посту охраны все отмечено.

– Решила наконец разобрать письменный стол? – попыталась пошутить Таня.

Над Натальиным столом, в котором можно было найти и конфеты, и косметику, и открытки, но никогда – скрепок или бумажных стикеров, давно уже потешалось все агентство.

– Нет, до стола пока руки не дошли, – серьезно ответила секретарша. – Как обычно: в Интернете нужно было полазить, вы же знаете – дома у меня компьютера нет...

– В моем кабинете лазила? – уточнила Татьяна.

– А где же еще? – удивилась Наташка. – У вас кресло самое удобное.

– Нашла, что искала? – спокойно спросила Таня.

– В смысле? – не поняла Наталья.

– То, что в Интернете искала, нашла? – повторила Садовникова.

– Да... нет... – засмушалась Наташка. Жалобно взглянула на Таню и пропищала: – Я... это... просто по сайтам бродила. Ну, так... Поболтать с кем-нибудь, познакомиться... – И

выпала последний аргумент: – Я и Андрею Федоровичу об этом рассказала. Он мне последнее китайское предупреждение сделал. Чтобы не использовала служебное оборудование в личных целях. Я больше не буду, честно!

Вот и слезы уже на глазах выступили, и носик зашмыгал и покраснел...

– Детский сад, Наталья, – поморщилась Таня и поднялась с кресла. – Ладно, иди. И ни с кем, кроме Теплицына, меня не соединяй.

Едва секретарша вышла, Таня подключилась к Интернету. Она точно помнила, что в пятницу, перед тем как уйти с работы, она ходила на сайт «parter.ru» – заказывала билеты в Большой театр. Как давно это было – мирная пятница, шикарное, уже «отдыхательное» настроение, вежливое подтверждение сетевого администратора: «Два билета на «Жизель» в первый ряд ложи бенуара для вас забронированы»...

Таня кликнула по списку посещений сайтов. Нет, Наташка не обманула: в последний раз с ее компьютера выходили вовсе не на театральный сайт, а на сплошь несерьезные «narod.ru», «tusovka.ru», «wedding.ru». И соединения, как и сказала секретарша, проходили в субботу, с половины первого до без пяти минут два...

Да, похоже, тщательно продуманный и выстроенный допрос Наташки никакой полезной информации не дал. Или она, Таня, этот допрос просто продумала плохо? И выстроила неумело? Ловушки неправильные придумала? Но разве много она понимает в допросах и ловушках? Не зря же отчим несколько раз повторил: «Никуда не лезь, ничего не предпринимай!»

– Да ладно, что я особенного предприняла-то? – пробормотала Татьяна. – Хуже-то всяко не будет... Зато теперь я знаю наверняка: с Наташкой, похоже, все в порядке. Она, конечно, полная дура, но не преступница.

Однако вызывать в кабинет Родиона – а пока ехала в офис, Таня придумала вопросы и для него – она не стала. Снова открыла ежедневник, вздохнула и с видимым отвращением сосредоточилась на работе. Вечером у нее очередная презентация по колбасам, и дел еще невпроворот.

Вторник, вечер

Родя Шапов, дизайнер рекламного агентства «Пятая власть», был счастлив: ему удалось отбиться от презентации по колбасам. Она намечалась на восемь вечера и планировала затянуться как минимум до десяти. По заведенным в «Пятой власти» правилам всему коллективу в такие моменты полагалось находиться на рабочих местах – и торчать в агентстве до победного. А торчать, конечно, никому не хотелось – ни его «творческой половине» Полинке, ни Теме с Мишкой, ни секретарше Наташке. Но коллеги хоть и бурчали по углам, а никто, трусы, у шефины отпрашиваться не решился. Сказали, что все равно бесполезно. Только он, Родя, рискнул. Ведь кто не рискует – без шампанского остается, верно? Ему и подфартило, да еще как, круче, чем в прошлый раз в казино! Повезло ему, что начальница, Танька Садовникова, сегодня какая-то необычная: совсем вялая и рассеянная.

– Я схожу вечером к зубному? – без надежды, просто на всякий случай, попросил Родион. (Зубы у него не болели – но очень уж не хотелось торчать в офисе допоздна.)

Обычно Татьяна в ответ на такие заходы безапелляционно отрезала: «Никаких зубных, пока презентацию не проведем». А сегодня вдруг возражать не стала. Рассеяннo проблеяла: «Да-да, конечно, Родик. Иди».

Он и ушел – под завистливыми взглядами коллег – точно по КЗоТу, ровно в восемнадцать ноль-ноль. Выходил из офиса и радостно думал: «А эти дурачки пускай мучаются!»

...Родя никогда не ездил на работу на машине. До дома на Чистых прудах добраться раз плюнуть: всего пара остановок на метро, а по хорошей погоде можно даже пешком дотелепать.

Настроение у Родиона было безоблачным, каким оно бывает только у недалеких людей с безукоризненно чистой совестью. До чего ж хорошо, что вечер оказался свободным – ни тяготы с колбасной презентацией, ни даже свидания с очередной девчушкой. Очень клево, когда вдруг выдаются такие вот пустые вечера!

Щапов помахивал кожаным портфельчиком, где лежали пара глянцевого журналов, плеер и маленький цифровой фотоаппарат. Напевал привязавшуюся с самого утра мелодийку: «Хорошо! все будет хорошо! все будет хорошо, я это знаю...» Посматривал на верхние этажи домов, где отражалось клонящееся к закату солнце. И вдруг... Вдруг получил сильнейший удар в плечо. Родиона отбросило в сторону, а его портфельчик даже выпал из рук. Встречный гражданин, летящий куда-то по делам, со всего маху задел его своим корпусом.

– Смотри, куда прешь! – злобно выкрикнул Родик – и был, пожалуй, не прав в своей гневливости, потому что его обидчик остановился, оглянулся и с искренним раскаянием проговорил:

– Ох, простите! Вы не ушиблись? – И бросился поднимать с асфальта портфель Щапова. Поднял и протянул его Родиону. – Простите меня, ради бога... – еще раз извинился он.

«Какой, право, интеллигентный...» – Родик почувствовал раскаяние за свою несдержанность и посмотрел на прохожего повнимательней. Это был пожилой мужчина, едва ли не вдвое старше его: лысоватый, толстый, одет в свеженаглаженный летний костюм. Из ворота рубашки торчит щегольской шейный платок, а глаза скрыты под солнцезащитными очками.

– Ладно, чего уж там... – пробормотал Щапов, принимая из рук обидчика портфель.

И в этот момент случилось странное: человек приблизил свое лицо прямо к лицу Родиона и прошептал:

– Здравствуй, Родик.

Тот отшатнулся. Но не успел он даже начать свое недоуменное: «Откуда вы меня знаете?...» – как мужчина снова прошептал:

– У меня есть сообщение от твоей матери.

Лицо прохожего было Родиком абсолютно незнакомо. Щапов готов был поклясться, что видит его впервые в жизни.

– Кто... вы? – растерянно пробормотал он.

– Пойдем, – тоном, не терпящим возражений, проговорил пожилой щеголь. Цепкими, жесткими пальцами он взялся за локоть Родиона и повлек его за собой. Щапов безмолвно подчинился.

Пару десятков шагов они прошли в молчании, и Родик прямо физически чувствовал исходящие от господина флюиды жесткости и властности. Тот словно безмолвно брал над ним верх, и с каждым шагом внутри Щапова будто рушились какие-то защитные бастионы и незнакомец захватывал все новые и новые рубежи его внутреннего сопротивления.

– Я друг твоей матери, – наконец проговорил он.

– У меня нет матери, – поспешно отвечивал Родик.

– Есть, Родион, есть, – безапелляционно возразил толстый щеголь. Его цепкие пальцы по-прежнему влекли Щапова за собой, и тому ничего не оставалось делать, как подчиниться. – Правда, она далеко. Ведь твой отец, Иван Щапов, был убит пять лет назад. Отравлен мышьяком. Твою мать, Анастасию Петровну Щапову, обвинили в этом преступлении. Четыре с половиной года назад ее осудили по статье сто пять часть вторая на десять лет лишения свободы...

Родион почувствовал, будто внутри у него что-то ухнуло вниз, и он показался сам себе голым, маленьким, беззащитным.

– Сейчас твоя мама, Родя, – продолжал господин, – находится в колонии общего режима, исправительно-трудовом учреждении двадцать три дробь пятнадцать в Карелии. Ты ее навещаешь втайне от всех два раза в год. И посылки шлешь.

– Кто вы? – прошептал Родик уже безнадежным, беспомощным тоном.

– Я же говорю – друг. Мама тебе, кстати, передает большой привет. Чувствует она себя неплохо, только очень похудела.

Пожилой господин тащил Родиона дальше. Не чуя под собой ног, Щапов вышагивал рядом с ним по улице.

– Вполне возможно, – продолжал человек, – мама твоя будет освобождена досрочно, после девяти или даже семи лет отсидки. Она тебе об этом писала?

– Н-нет...

– Естественно. Потому что во многом это будет зависеть от твоего, Родик, поведения.

– Моего? – Щапов аж замер на месте.

– Пошли, Родион, пошли. – Пальцы странного прохожего по-прежнему сжимали его локоть. – Ты, Родион, скрываешь от всех свою семейную трагедию. Вот и в анкете при приеме на работу написал, что твои родители скончались. Это грех, Родик, – укоризненно покачал головою господин, – отречься от семьи. Большой грех.

– Что вам нужно? – прошептал Щапов, тащась за пожилым щеголем по переулку. Воздух был светел, и солнце, как и пятнадцать минут назад, отражалось в окнах домов – только до всего этого Родик уже не было никакого дела. Он чувствовал себя безнадежно пропавшим.

– У вас ведь, Родя, на фирме один конфиденциальный документ пропал, – не ответив на вопрос, продолжил цепкий гражданин. Интонации его были не вопросительными, а утвердительными.

– Откуда вы знаете? – вскинулся Родик.

Игнорируя его вопрос, господин сказал:

– Я представляю интересы людей, которым нужен этот документ. Которые хотели бы его заполучить. Причем не копию, а оригинал...

– Я ничего не знаю! – выкрикнул Родик. И добавил: – Я не брал его!

И тут мужчина остановил Родиона, развернул к себе, приблизил свое лицо к нему и взглядом из-под солнечных очков впился прямо в его зрачки.

– Ты не брал? – отдельно переспросил товарищ.

– Нет! Нет! Ей-богу, нет!

– Верю, – наконец ласково проговорил мужчина и отпустил Родика, у того словно огромный камень упал с сердца. А толстяк поощрительно похлопал его по плечу, дружески развернул и направил в прежнюю сторону. И снова взялся крепкими пальцами за его локоть.

– Тогда надо мне помочь, – еще более ласково сказал мужчина, – найти этот документ.

– Как найти? – выкрикнул пораженный Родион.

– Тебе придется заняться этим, – в очередной раз не ответил на его вопрос толстяк.

– Мне?

– Ну да.

– Но почему я?

– А потому, что иначе информация о твоей семье станет достоянием широкой гласности. И о том, что твоя мать убила своего мужа и сейчас сидит в тюрьме, узнают все друзья. И коллеги по работе. И начальство. Все узнают, понимаешь, Родя?

– О нет, – прошептал тот.

– Если же ты найдешь пропавший документ, – продолжал незнакомец, – я, Родион, сделаю все, чтобы твою мать освободили досрочно. Все, что в моих силах. Ты понял меня?

– Кто вы? – повторил вопрос Родион.

Господин опять не ответил прямо:

– Можешь не сомневаться, возможности у меня имеются. Возможности и для того, чтобы поощрить тебя, и для того, чтобы наказать. Причем не только те, что я озвучил. И другие, самые разнообразные... А вот теперь слушай внимательно, что тебе следует делать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.